

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Тринадцать (Шопперт)

Андрей Шопперт

Четырнадцать

«Автор»

2026

Шопперт А. Г.

Четырнадцать / А. Г. Шопперт — «Автор», 2026 — (Тринадцать
(Шопперт))

Коська вместе с дядькой Савелом попадает в город Минск.

Содержание

Глава 1	5
Событие первое	5
Событие второе	7
Событие третье	9
Глава 2	11
Событие четвёртое	11
Событие пятое	13
Событие шестое	15
Глава 3	17
Событие седьмое	17
Событие восьмое	19
Событие девятое	21
Глава 4	23
Событие десятое	23
Событие одиннадцатое	25
Событие двенадцатое	27
Глава 5	28
Событие тринадцатое	28
Событие четырнадцатое	30
Событие пятнадцатое	32
Глава 6	34
Событие шестнадцатое	34
Событие семнадцатое	36
Событие восемнадцатое	38
Глава 7	40
Событие девятнадцатое	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Шопперт

Четырнадцать

Глава 1

Событие первое

*А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?*

В. Маяковский

Не было водосточных труб. И ноктюрн никто не играл. Вообще, Менск был очень непохож на место, где могут играть ноктюрн, и где есть водосточные трубы. Замковая церковь, мимо которой они проезжали по дороге к детинцу, единственное каменное здание. Стояла она берегу Свислочи. На небольшом холме. Здание можно даже двухэтажным назвать. А колокольня и на третий этаж замахнулась. Сложенная из крупных довольно грубо обработанных камней церковь смотрелась скорее крепостью, чем культовым сооружением.

– Какая-то неухоженная, – прокомментировал увиденное Касьян и не ожидал ответа от попутчиков, но ответили оба. Дополняя друг друга.

– Был в Полоцком княжестве князь один – Всеслав Вещий (Чародей). Давно, три с лишком века назад. Ратился он вечно с Ярославичами. В поруб его сажал Изяслав Ярославич. А потом прогнал из Полоцка и сыновей своих посадил на престол. А женат Изяслав Ярославич был на Гертруде, дочери польского короля Мешко. По её велению в Менск прибыли ляхи числом более сотни и купцы, и мастеровые, и воины. А с ними и ксёндз, вот и построили они сию церковь, – брат Константин произносил это речитативом почти, словно летопись читал.

– Мне княжий ключник говорил... мы тут как-то с полгода назад татей имали... Так Демьян с нами был, и говорил он, что последний ксёндз лет пять как помер, и теперь храм заколочен стоит. Ляхов нет почти у нас. Разве серебряник (ювелир) Мешко тоже. А нет, ещё был купец, да вон его хоромина, – дядька ткнул плетью в настоящий терем, что виднелся за высоким забором почти напротив заброшенной церкви, – полгода назад его по дороге на Полоцк тати ограбили и убили. И его, и сына его. Так вдова зараз продаёт подворье, к родичам назад в Мазовию собирается.

– Продаёт?!

Дядька Савелий хмыкнул. Дескать, где мы, и где хоромина, на сказочный терем похожая.

Коська решился... жить в детинце вместе с сотней человек воев и княжьей челяди ему совсем не хотелось. Да, даже просто в Менске не хотелось. Но не убивать же дядьку на самом деле. Тот может и больше о себе, чем о племяннике заботится, но всё же родич, да и в принципе мужик не самый плохой. Сейчас все такие. Кто такой Коська? Так, пацан сопливый. А ещё, при прочих равных, что здесь, в Великом княжестве Литовском, что рядом, на Руси с её десятком княжеств, прямое наследование от отца к сыну ещё не прижилось окончательно и Лествичное право, то есть, наследование братьями младшими, вполне существует. Вписывается ли в него дядька Савелий не очень понятно, он ведь третий брат. А монах говорит, что за вторым бра-

том наследует первый сын старшего брата. Но разве это важно, в тринадцать лет ничего пока точно Касьян наследовать за отцом не может. Так что и противиться воле дядьёв он не может. Дядья после предыдущего не очень удачного дележа собственности старшего брата с рукоприкладством не помирились окончательно, но вот на переезд Коськи в Менск к княжескому двору консенсус выработали. С корчмой и постоянным двором же решили, для начала попытаться продать, а уже потом делить эту шкуру неубитого медведя.

Касьян попробовал из себя Великого Нехочуха изобразить, но от обоих дядьёв заработал по подзатыльнику и унялся. Решил до совершеннолетия погодить. Чуть больше года осталось, год с малым хвостиком.

– Дядька, а давай купим терем этом?! Сколько он стоит? – дернул за вожжи парень, останавливая телегу.

– Дурной. Он... не знаю сколько он стоит, но не меньше пяти гривен. Там и конюшня, и хлев, и людская с кухней отдельно. Может... и семь гривен. Точно, дурной. Да весь ваш постоянный двор столько не стоит. Так это до пожара, а сейчас и трёх не получить. Я пять лет на собственный двор по чутка откладываю и двух гривен не скопил. Оружие больно дорого, за свои покупать надо... и коня содержать. Дурной, одно слово.

Ратник был чуть впереди, сидел на высоком статном жеребце трёхлетке. Кауром. И по масти, и по имени. Не хватило у прошлого хозяина фантазии красивое имя придумать коню. Рыжиком бы назвали или Золотухой. Обычно-то у каурых хвост и грива чуть темнее общего каштаново-рыжего цвета, а у этого жеребца наоборот – червонным золотом грива сверкала. Красавец. А тут – Каурый.

Дядька был в полном доспехе. Звенел кольчугой и наручами, выпаривал вшей под острым шоломом с бармицей. То, что кто-то перебил всю неуловимую ватажку Федьки-Зверя, никто не знал, и дорога от Полоцка к Менску, проходящая через село Коськи, по-прежнему считалась опасной. Да и была, наверное. Это пригороды Менска тати Федьки контролировали, а дальше ещё сотни вёрст до Полоцка и хоть как там свои Федьки есть. Да и здесь появится новая банда. Всегда найдутся люди, не желающие работать, а желающие грабить и убивать.

Дядька, читая отповедь племяншу, остановил коня как раз перед воротами терема польского купеческого.

– У меня есть пять гривен, – стараясь чтобы услышал только дядька, просипел Коська.

Они небольшим таким караваном перебирались. А куда деваться, монася нужно в Менск сопроводить, а у того три сундука припасов, да сам Коська ухватился за огромный сундук, служащий ему кроватью и гардеробом одновременно, ну ещё и тайником. А посуда из таверны? Не бросать же. Она одна на гривну потянет. Всё же медные две сковороды и котёл приличный медный. В результате пришлось на трёх телегах ехать. Одну-то сам староста выделил и сам же сел на передок, дела у него в Менске обнаружились, так чего землякам не помочь, не подмогнуть за пару-тройку грошей и корм для лошади. Вторую телегу выделил отец Лука и тоже сам правил, тоже дела... свои церковные. Третьей телегой правил сам Коська, она первой за всадником и ехала, в ней же находился и брат Константин. Так что, как ни сипи, а монах услышит, но для него уж точно не тайна, что у парня пять гривен есть. Вместе клад разбойников раскапывали.

Событие второе

Вновь, вновь золото манит нас!

Вновь, вновь золото, как всегда, манит нас!

«Золото Макенны»

Дядька коня чуть не на дыбы поднял, потом резво соскочил, несмотря на тяжесть брони и ринулся к телеге, выхватил за грудки Коську и оттащил подальше от остальных, Каурым отгородившись.

– Адкуль!? Адкуль у цябе грыўны? (Откуда! Откуда у тебя гривны?) – дядька продолжал держать парня за ворот рубахи.

Не за воротник. Воротников Коська ни на одной рубахе, что у них в селе, что у проезжих, не видел. Косоворотка с воротом, как у футболки. На парне сейчас парадная жёлтая была с подолом до колен и вышивкой красными нитями по подолу, вороту и рукавам. Нашлась среди одежды в сундуках у бандитов, и по росту Коське подошла, так что, несмотря на договорённость с братом Константином, что все тряпки ему, эту рубаху и красные порты к ней монась Коське выделил.

Говорить про уничтоженную им банду татей парень не собирался, тем более что, как он понял, снабжал припасами разбойников, а потом реализовывал добычу, как раз его отец со старостой. Потому, Касьян выдал почти правдивую версию.

– Захоронку батину нашёл. Там пять гривен было и тридцать грошей, – а чего, захоронка была, и там было серебро и даже золото, пусть в гривнах, если считать, и поменьше.

Последовала затрещина и дядька теперь сам засипел прямо в лицо парню.

– Почему раньше не сказал!?? – даже слюной обрызгал.

Что тут ответишь, что не было у пацана в планах родичей обогащать?

– Церкви хотел пожертвовать, чтобы молись о царствие небесном... для отца, матери и Фёклы.

– Дурень, – дядька парня отпустил, хоть и после ещё одной затрещины, и понял, что теперь самому выкручиваться надо, не говорить, же пацану, что его, дядькино, благополучие важнее для семьи племянша, – Вместе завтра сходим в церкву домовую у князя и помолимся. Дом, говоришь, купить? Терем этот? Пять гривен? Да у меня пара есть. Скопил. Может и хватит? Стой тут. И молчи.

Вот чего у дядьки Савелия не отнять, так это решительности. Решил купить терем и уже через десять секунд тарабанил в резные ворота. Тарабанить пришлось долго, время к вечеру, и народ, видимо, ко сну уже готовился. Солнце село за горизонт, но лето и пока достаточно светло. Дядька стучал, за забором брехала собака. Сие животное довольно редко ещё, у богатеев в основном, у них в деревне так вообще ни одной не было.

Наконец послышался мужской грубый голос чего-то посоветовавший собаке. Но та совету не вняла и продолжала с гулким лаем бросаться на забор. Но тут заскулила и замолкла обиженно, видимо хозяин голоса чем-нибудь, не похожим на кусок мяса, в неё запустил.

– *Czego potrzebujesz? Pukają tu na noc patrząc!* (Чего надо? Стучат тут на ночь глядя!) – сначала на польском, а после и на местном русском прокричал мужчина.

– Дом купить хочу! – не менее громко проорал и дядька Савёл, словно между ними не метр был и забор, а верста Коломенская.

– *Dom kupić?* – там явно затылок почесали за забором.

– Да, хотелось бы посмотреть. И быстрее, а то ночь скоро, – решил дядька поторопить крикливого.

– Хозяйка ко сну готовится...

– Чего там, Сбышек? – донеслось явно от порога терема. Голос был женский и молодой.

– Дом купить хотят. Посмотреть хотят. Сейчас хотят, – Сбышек явно ораторскому искусству не обучался.

– Kupić dom?! Więc otwieraj bramę szybciej, shampoo! (Купить дом?! Так открывай ворота быстрее, орясина!) – от порога взвизгнула женщина и послышались приближающиеся шаги. Редкие в этом времени каблуки, из дерева, скорее всего, стучали по доскам дорожки от ворот к дому.

Мужчина покачал ворота, освободил брус забора и вынул его, потом, побряхтев, стал одну створку на себя тянуть. Петли не скрипели, следили за ними, просто уж больно массивными были ворота, такие и таранный удар выдержат. Больше для крепости подходят, чем для дома.

Сбышек оказался фигурой под стать воротам. Для этого времени просто великан. В нём под два метра роста было и не жердь худосочная, а амбал, правда, чуть расплывшийся. Этаким супертяж штангист на пенсии. Был мужик лыс почти. А остатки волос на затылке поседели давно. Как нимбом лохматились серебристым.

По тропинке из половинок брёвен к воротам торопилась женщина лет сорока. Подвёл Коську слух, он думал молоденькая пани покрикивает на воротчика. Панночка была в этом самом шушуне. Пиджак такой с оторочкой мехом лисы. Почему лисы – понятно. Нельзя более дорогие меха носить не дворянам. А тут купчиха простая. Женщина остановилась и требовательно так, словно всю жизнь русскими воями командовала, спросила:

– Тебя послали дом смотреть? – почти на чистом русском.

– Хм. Я купить хочу, – дядька от напора стушевался. Ещё бы, за холопа приняли.

– Ты? – панночка снова оглядела ратника с головы до ног, даже на Коську взгляд бросила и на монася из любопытства свой нос в ворота сунувшего.

– Сколь просишь... пани? – опомнился дядька.

– Семь с половиной гривен. Киевских.

Калькулятор в голове Касьяна замигал цифрами. Новгородская гривна весит под двести грамм, а Литовская, которая называется трёхгранный рубль около ста семидесяти грамм. А вот эта шестиугольная – Киевская гривна весит сто шестьдесят грамм.

Семь с половиной на сто шестьдесят – это килограмм двести грамм серебра.

У него имелось три новгородских гривны – палочки такие. И было две киевские гривны. Сорок на три сто двадцать грамм разницы, вполне хватит на ту самую половинку, что просит пани. Это если у дядьки литовские или киевские гривны.

Парень дёрнул дядьку за рукав и прошептал, что хватит серебра, но поторгуйся мол, чего сразу соглашаться. Деньги огромные.

Паночка поняла неправильно, уставилась на пацана, стараясь определить, кто этот гарный парубок, что вою команды шепчет?

Событие третье

Читаю объявления про недвижимостъ: все квартиры тёплые и светлые. Не нашёл ни одной холодной и тёмной.

– Посмотреть бы сначала, а то может всё гнилое, – махнул рукой на терем ратник.

Дама в отороченном лисьем мехом шушуне, который с её лисьей мордочкой с обилием веснушек очень гармонично смотрелся, возвела очи горе и, кивнув, пошла к терему.

Касьян же сначала осмотрел двор. А чего! Дорого-богато. Весь двор застелен досками, точнее расщеплёнными напополам брёвнами. Может и чуть не ровно уложены, одни брёвна шире других, из-за чего чуть смазывается картина, но зато сухо и опрятно, никакой грязи. Брёвна уже потемнели, но кое-где желтизной светились, а значит, лет шесть простоят.

За теремом виднелась кухня, соединённая переходом, крытым, с домом. Примерно шесть на шесть дом, из огромных, явно дубовых брёвен. Такой прямое попадание гаубицы выдержит. За домом была видна конюшня, тоже в виде сруба излаженная, пятистенки такой с длинной стороны метров четырнадцать. У ворот была овчарня или хлев, там козы бежали. Всё, больше построек не было видно, разве небольшой сеновал рядом с хлевом.

Дядька уже дошёл до двери, распахнутой огромным ляхом, в терем и махал руками крутящему головой Коське.

– Племяш! Чего ворон считаешь?

Терем был не больно и большим, тоже пятистенки и брёвна метров по семь, то есть, по наружи был семь метров на тринадцать с половиной. Но зато был двухэтажным и даже балкончик на втором этаже имелся, туда кстати вела лестница с низу, а значит, на второй этаж можно попасть, не заходя в дом с крыльца. Теремом же этот дом делала необычная крыша из луковок всяких. Никакой функциональности, наоборот куча стыков и сопряжений делали крышу не очень надёжной, да ещё и протекаемой в сильные дожди, наверное. Всё же герметики силиконовые тут не просто достать.

Нравились, судя по всему, купцу из Польши такие украшения. Терем, как и брёвна во дворе был срублен года два назад, новенький совсем. Обживался и на долгую жизнь купец нацелился, а тут бам и к татам на клинок попал, или стрелой арбалетной все его мечты порушили. Если сопоставить, то, что рассказала во время показа дома пани Валенса, то сгубила купца ватага Федьки-Зверя. Недалеко от Менска проезжий караван наткнулся на гору трупов ранней весной, которые вытаили из-под снега. Сам купец Багумил, его сын Владислав и семеро возчиков и охранников, все мертвы с зимы. В феврале уехал купец в Ригу, да так и не вернулся.

Придаться в доме было не к чему, тем более, пани оставляла все сундуки, десять коз и одну кобылу, которой рожать через месяц. В кухне оставалась посуда. В сундуках и на кроватях перины. Заезжай и живи на всём готовом.

– Согласен я, пани Катарина, стоит он тех денег. Три новгородские гривны и пять киевских заплачу.

Касьян думал, что сейчас торговаться дядька будет, шапку на землю кидать, вдова плакать, здоровый лях рычать, и когда родственник без торгов согласился, то даже разочарование почувствовал. Нет, не денег жалко. Наверное, в самом деле дом того стоил, просто шоу не получилось. Буднично как-то.

– Приезжайте через три дня, мы соберём вещи и наймём охрану.

Паночка устало поклонилась ратнику и ушла в терем, а они с дядькой двинулись к воротам.

– Собачку не возьмёте, а то куда нам с ней? – великан потрепал по голове огромного пса непонятной породы. Ну, ближе всего к маламуту. Или к волку?

– Собачку? – дядька стороной обходил огромного пса, сейчас почти мирно скалившегося на него, но в серых глазах того можно было прочесть обещание, как только лях уедет, потренировать свои челюсти на штанах этого пахнущего железом человека.

– Куда нам в дороге дальней такой, он обязательно порвёт ремень и сбежит поохотиться, шукай его после по лесу.

– Конечно возьмём! – воскликнул стоящий у ворот всё это время брат Константин.

– Возьмём? – дядька Савелий и племянш Касьян с удивлением уставились на монаха.

Глава 2

Событие четвёртое

Официант – клиенту:

– У меня для вас радостная весть из кухни. Вы оказались правы. То, что вы съели, действительно был не суп, а помои.

План был какой? Да, простой. Приедут они в Минск и сразу на княжий двор, где в гридницкой и жил ратник Савелий – Коськин дядька. Туда же в людскую и Коську определяют. Сгрузят там пожитки парня, ну, сундук-кровать его и медную итальянскую посуду, и потом отец Лука доставит брата Константина в Свято-Богоявленский мужской монастырь на окраине Минска и там заночует, а после утречком по своим делам. Староста же – дядька Козьма, выгрузив пожитки парня, переночует на постоялом дворе, а после уже с тиуном будет с утра свои дела решать.

И никто на дом не нацеливался. Однако, что получилось, то получилось, время теперь совсем уже позднее, пока они осматривали терем и постройки хозяйственные с дядькой, наступил настоящий поздний вечер, не непроглядная темень, но близко к этому, тем более – новолуние, отдыхает ночное светило. А звёзды, хоть и пыжатыся, но осветить Землю у них не выходит. Мало водорода ели.

– А можно в этом дому заночевать, да лошадей обиходить? – оторвал отец Лука всех от непонятного поведения зелееварца.

– Истинно. Где теперь ночлег искать?! Темень уже, – поддержал односельчанина и староста.

Минск – это не столичный Полоцк. Мелочь. Деревня большая. Так, три улицы в два ряда, княжий замок с подворьем и небольшой посад. И князь здесь сидит ненастоящий. Более того, из разговора с дядькой на привале и перекусе, Коська уяснил, что князь не только ненастоящий, но ещё и вражеский как бы. Звать его Скиргайло Ольгердович. Настоящий же князь Андрей Ольгердович сейчас вместе с братом ратится на Куликовом поле с Мамаем. Или через неделю будет? Тут с этими датами по новому и старому стилю разбираться нужно с калькулятором. А Ягайло поставил на Полоцкое княжество своего приверженца и как бы министра иностранных дел, ну и брата меньшого – Скиргайло. Но это там, в далёком Полоцке, здесь же на защите города сидел сын Дмитрия Ольгердовича, того самого, что с Андреем в это время бьёт Мамая. И имя у князя молодого очень интересное. Андрей и Дмитрий борются за власть с Кейстутом и Ягайло, а сын Дмитрия сидит на княжении в Минске, дядька пыхтел на князя молодого, мол, отца предал, пошёл под руку врагов. А вот у Касьяна в голове это не складывалось. Он историком не был, но услышав имя князя, сидящего в Минске сразу вспомнил. Остей! Именно этот князь через два года будет оборонять Москву от Тохтамыша, когда и митрополит и все князья герои Куликовской битвы сбегут из города. И, наверное, отстоял бы, если бы не предательство Бориса – Великого князя Рязанского и князей из Суздальско-Нижегородского княжества. Один из них – Василий потом станет родоначальником князей Шуйских. Они уговорили москвичей и князя Остея открыть ворота, дескать, Тохтамыш ничего москвичам и беженцам, собравшимся за стенами города, не сделает, а тот сжёг город и почти тридцать тысяч человек убил.

Возможно, и не сторонник князь Остей Ягайло и не враг отцу, раз через два года в Москве окажется? Или нет? Где-то между этими событиями Дмитрий Донской договорится с Ягайло о свадьбе того с его дочерью Софьей, которая не состоится из-за недалёковидности, а то и

глупости Дмитрия Ивановича. Ведь будь женат Ягайло и не было бы унии Литвы с Польшей, так как там условие было женитьба Ягайло на королевне Ядвиге. И союз был бы у Москвы с Литвой. Кстати, никто здесь не называет Ягайло этим именем. Он Иаков Александрович. А Александрович – потому что Ольгерд крестился в православии и получил имя Александр. Все эти Витовт, Ягайло и Ольгерд – это специально русские летописцы и историки называют языческие имена Литовских князей, чтобы подчеркнуть, что они язычники и враги. Враги – это да. Но тогда все друг другу враги, все хищники и повоевать соседей – это единственный способ обогащения.

– Так что, мил человек, можем мы здесь заночевать? – вернул Касьяна из исторических воспоминаний голос отца Луки, – Совсем темно, нас и не впустят в монастырь. Да и рогатками улицы уже перегородили.

– Пойду спрошу пани Валенсу. Только много вас, ладно, пойду спрошу.

Пани бы отказала, скорее всего, но вместе со Сбышеком в сени просочились два монаха просителями и Касьян. Ну да, она католичка, но отказать священникам, имея возможность их приютить, не комильфо.

– В кухарне если, но там нет кроватей... – лисья мордочка пани совсем заострилась.

– Мы на полу ляжем. Попоны есть, – забил последний гвоздь отец Лука, – Молиться будем за ваш благополучный переезд.

– Только утром... уезжайте. Придёт кухарка еду готовить.

Пани ушла на второй этаж (pięte piętro), а довольные священники пошли обустриваться. Сбышек даже снизошёл до помощи в распрягании коней и лично каждого в конюшню сопровождал и задал воды и овса.

– Зря ляхов ругают, вон чего, очень добрые и гостеприимные люди, – пробурчал себе под нос Коська.

Всё так хорошо было, что... А потом Сбышек ткнул огромной своей сарделькой в котёл, висящий над очагом и горку деревянных тарелок на столе, и пробурчал:

– Можете поесть перед сном.

Коська первым заглянул в котел. Детский растущий организм требовал белков и углеводов.

Там была... Каша, наверное. Какая-то распаренная крупа, возможно овёс, и куски репы в нем плавали. При этом цвет был серым, а запах противным, не противным, но мясом точно не пахло, затхлостью какой-то несло.

– Пани Валенса уж больно о своих козочках заботится, велит им такие каши варить, – недовольный всем случившимся и этими незваными гостями, прошипел огромный лях и вышел из дома.

Событие пятое

Народное наблюдение: в семье, где мать очень плохо готовит, собака всегда жирная.

Есть козью кашу никто не стал. Коська взял с собой немного жареной рыбы, но на такой коллектив маловато и пришлось из НЗ доставать и линей холодного копчения.

Все ведь в мире делается по желанию или велению Господа нашего. И без всякого сомнения, именно он подсунил Коське солёную рыбу на ночь. А солёная рыба она что? А она требует воды, чтобы было, где в животе ей плавать. И вода была. Напились из ведра все сельчане и прочие и легли спать. Потом жажда заставила ещё один подход к ведру совершить. Вот, тут всех расплата и настигла. У Касьяна, так как он помоложе будет, желание добежать до дерева, растущего на углу участка панночки, возникло последнем. Точно уже далеко за полночь было.

Он пробудился и попытался уговорить организм потерпеть до утра, но кроме организма спать мешали и соседи. Храпел на всю Ивановскую дядька, ни дна ему ни покрывки¹.

Не менее громко, да ещё и с присвистом, храпел староста, мычал как бык, увидевший стадо бурёнок, отец Лука, и противно причмокивал брат Константин. Долго слушать этот концерт парень не смог и пошёл на улицу. Добрался по деревом мощённому двору до травки вокруг дерева и только начал внеплановое удобрение яблони, как за забором услышал голоса.

– Собака есть, – голос был в метре всего, яблоня росла практически в притык к забору, а переговорщики стояли напротив.

Собака на Коську спросонья тявкнула, но раз с этой стороны, то свой, тем более, парень часть каши козьей маламуту с явно польским именем Вавель вечером в миску погрызенную отсыпал. Вавель носом повёл, укоризненно посмотрел на пацана, дескать, какое-то странное ты, брат, мясо мне вынес, но кашу слопал.

Этот полусонный тявк голоса за забором и услышали.

– Ничего, прикончим из арбалета, – второй голос был нехорошим, такие у маниаков должны быть, сиплый и с присвистом.

Зачем убивать собаку?

– Зарадії́ ужо, залазь, чаго ўсталі?! (Зарядил уже, залазь, чего встали?!), – третий голос был обычный, но командный. Командирский.

Касьян бросил поливку яблони и поспешил к стоящей у конюшни их телеги, там, чтобы дядька не вздумал приватизировать, под ней был прикреплён его любимый арбалет, а в сене запрятаный, на передке телеги, лежал тубус со стрелами. Это Касьян решил, что если на них бандиты в лесу по дороге нападут, то дать им бой. Так-то у них обоз совсем не боевой получался, два священника, далеко не Пересветы с Челубеями, плюсом безоружный и довольно неповоротливый староста. Дядька – да, этот ехал в броне и при оружии, но Коська после ликвидации банды Федьки-Зверя отлично теперь понимал, что кольчуга против арбалетного болта – слабая защита. А если три стрелы сразу, да в разные места, ноги, например, всё кирдык, нет, один в поле не воин. Потому, пусть будет арбалет.

Сейчас к нему и кинулся. Арбалет на хитрой завязке присобачен к доскам телеги снизу, дёрнул за конец и узел развяжется. Пять секунд, и он уже в руках у парня. Ещё пять, и стрела в зубах. Теперь главное – в штаны не напрудить от усердия. Арбалет тугой. Блиииин!

¹ В старину «дном» называли дно гроба, а «покрывкой» – его крышку. Самоубийц, а также неопознанных людей, не имеющих родственников, и нищих раньше хоронили без гроба – просто закапывали в землю за пределами кладбища. Суицидников не разрешалось отпевать в церкви, и даже молиться о них нельзя было – это считалось грехом, так как они нарушили волю Божью, лишив себя жизни. Таким образом, пожелание «ни дна, ни покрывки» означало пожелание умереть без покаяния и быть похороненным не по христианским обычаям.

Получилось, стрела брякнула в прорезь и Коська присел за телегу. Метров десять до яблони.

Там кряхтели. Видимость в районе ноля целых и одной десятой процента. Ночь ясная, но луны нет, и только река млечного пути с трудом позволяет хоть что-то различить. Да и то с расстояния метров в десять, дальше тьма кромешная. Но звукам распространяться тьма не мешает, а даже помогает. Два события произошли почти одновременно. Тати собакоубийцы будущие забрались на забор и спрыгнули внутрь. Двое, третий видимо спину подставлял, чтобы этих через забор перебросить. Теперь сам егозил там, подтягиваясь. Второе событие – это бросок маламута (ну, а хрен его знает, как эта порода называется, но она на маламута похожа и волка). Собака здоровенная в холке чуть не семьдесят сантиметров и весит как танк итальянский Fiat-Ansaldo CV-35.

Коська опоздал, один из разбойников успел в собаку выстрелить и куда-то попал, та завизжала и покатила уже к ногам татей. Но именно в этот момент и парень выцелил одну из фигур, ту самую, с арбалетом в руках, и потянул за скобу. Вавель с визгом докатился до ног бандита, и сам разбойник, словив стрелу, видимо, в какое-то важное для функционирования организма место, с хрипом повалился к собаке.

Можно было заорать, будя дядьку и Сбышека, но второй тать ведь тоже с арбалетом, и он вполне может на крик выстрелить, или в дядьку. Ну с тем бы и чёрт с ним, хотя... Пусть пока поживёт. Решил Касьян не спешить с тревогой, прикрываясь телегой, он наступил ногой в стремя и потянул тетиву вверх. Нет, вот до чего тати Федьки-Зверя гадские были гады, не могли хоть один арбалет иметь с козьей ногой для зарядания. Тут полный мочевого пузырь, а тянуть тетиву нужно на пределе его мальчишеских сил.

Бряк. Вторая стрела легла в прорезь. Второй тать, склонившийся над упавшим неожиданно товарищем, как раз в этот момент выпрямился и заозирался, стрелу в груди подельника увидал и теперь искал глазами стрелка. Поздно. Вжик.

Событие шестое

Это неловкое чувство, когда девушка утром надевает на голое тело твою рубашку, а она ей мала в плечах.

Стрела ночью не видна. Даже цель толком не видна. Куда-то Коська попал, но точно не в глаз или сердце, так как тать начал выть и ругаться, со стрелой в глазу много не повоешь. Опять же Луны нет, на что воеет?!

Вой и проклятия разбудили в обоих домах всех. И они начали выскакивать в белых ночных рубахах на порог. Не обезвредь парень арбалетчиков и хана бы выскочившим пришла, какая бы темень не стояла, а белые в пол рубахи видно. Отличная цель.

– Дядька! Тати! Оружие бери. Трое было! Двоих ранил! – Касьян кричал всё это короткими словами с надрывом. Не, не от волнения, от натуги, в очередной раз арбалет натягивал.

Где-то читал Константин Иванович версию, что вот сейчас или через неделю, там, на Куликовом поле, русские победят, потому что у многих будут арбалеты и пока генуэзская пехота с длинными копьями будет подходить у них, русские эту пехоту попросту уничтожат. Не был. Но вот теперь можно будет спросить. Хоть как Андрей Ольгердович или Александрович, правильное, вернётся в своё княжество Полоцкое с воями, которые участвовали в той битве. Можно будет их расспросить и про арбалеты, и про всё остальное. Интересно, а у них уже были арбалеты с козьей ногой или даже с воротом?

Наконец, тетива поддалась и парень, брякнув на ложе стрелку толстенькую, смог оценить обстановку. Нет, по волшебству светлее не стало. Белые привидения исчезли с крыльца кухни, зато теперь появились перед теремом, сначала два было и голос женский слышался, но потом рыкнул Сбышек и почти тихо стало. Разве собака выла. Крепко видимо ей досталось. А вот третьего бандита и дядьки видно было.

– Коська! Где вороги? – ага, вон, где ратник, он уже половину расстояния преодолел и пригнулся за соседней, поповской телегой.

– У яблони, вон, у забора на полдень, – а чего солнце заходило по правую руку, если на яблоню смотреть, значит там юг. Дядьке ориентиры не подошли, он вспомнил всех святых и пару чертей и, пригибаясь, стал не к ворогам пробираться, а к Коське.

– Не умничай, рукой покажи! – почти как в анекдоте ратник спросил, перебравшись к парню, – Где? Покажи!

– Вон, там раненый стонет, и собака воеет, там двое, я их ранил, где третий не знаю. Но во дворе. Я не слышал, как он забор назад перелезал. Думаю, под яблоней и сидит. Теперь ему не до разбоя. Чем вооружен не знаю, у двоих были арбалеты? Третий – старший у них.

– Я пойду, – дядька был в такой же белой рубахе, как и все, но зато меч был в руке.

– Дядь, если у него арбалет, или он у своих раненых взял, то твоя рубаха будет видна издали. Тут надо в чёрное одеться. А ещё лучше сидеть и не двигаться, если он там шуметь начнёт, забор перелезая, я услышу и увижу движение, не промахнусь, – Коська сначала хотел это шёпотом сказать, чтобы тать не услышал, но тут ему мысль интересная пришла, и он произнёс это во весь голос, чтобы бандит точно услышал.

Теперь мяч на стороне татя, и мяч этот больше гирию двухпудовую напоминает. Тянет к земле. Запаниковать должен. Дядька план не понял, рот открыл и присел от громкого ответа племянша, при приседании резком срачица затрещала. Будет теперь с голой сра... ходить.

Всю изящную задумку – комбинацию испортил Сбышек. Он тоже белый, как привидение с мотором, двинулся к татям. Как он определил? Мелькнуло в голове у парня, но сразу же понял, лях идёт не к татям, а на вой Вавеля. В руке у здоровяка что-то было, но меч вряд ли, палка, может. Шаг. Не стреляет тать. Но возможно ближе подпускает, боится промахнуться.

Ещё шаг ляха, ещё. И тут пятно черное у дерева стало подниматься. Ну, есть там у него арбалет или нет, теперь не важно, теперь Коська его видел. Вжик. Щелкнула тетива, и тут же вскрикнул супостат, попал в него парень, и чёрное пятно исчезло.

– Давай, дядька, ранил я его. Осторожнее там.

Савелий парня уже не слышал, он увидел противника и более того, понял, что племяш не промахнулся, крик раненого он-то ни с чем другим не спутает. Шлепая босыми ногами по доскам двора, ратник понёсся к дереву.

Ускорился и Сбышек, не ломанулся, но шаги шире стали. И голос подал:

– Вавель, Вавель, что с тобой?! – великан уже склонился над собакой, а дядька как раз подлетел к яблоне. Удар, потом ещё удар, но явно не клинком по тулову, а навершием в челюсть. Потом ещё пару ударов и там под деревом стихло почти, только скулила собака и скулил над ней на польском великан Сбышек.

– Свет? Свечу бы или факел? – крикнул Коська ни к кому конкретно не обращаясь. Да и к кому тут обращаться, его монаси точно с собой свечей не привезли, как и староста. Только пани Валенса.

Белое пятно на крыльце терема исчезло.

Глава 3

Событие седьмое

А ночь всё длилась и длилась. Темень. Даже хуже стало, ветер поднялся и притащил с Европы богомерзкой облака, которые, выстроившись немецкой свиньёй, стали напозать на православный Млечный путь.

Не заладилось и с искусственным освещением. Пани Валенса принесла из дома уже зажжённую свечу и посемила к яблоне. На втором шаге ветер, чтоб ему пусто было, свечу, как её пани не прикрывала рукой, задул, и белое снизу (сверху шаль тёмная накинута) привидение прокричало плаксивым голосом:

– Здроващ, Марыйо, ласки пэлна, Пан с Тобон...

Прокричало и назад посемило.

Касьян решил сам наведаться к яблоне и посмотреть, что творится, по дороге под телегу заглянул и верёвку, что крепила арбалет, с собой прихватил. Вдруг понадобится татей вязать. Навстречу ему с другой молитвой грузно шагал Сбышек. И сам за сотню кг явно весит и Вавель точно в районе полусотни. Хотя, шерсти много, возможно и кажется только таким здоровым, а сам всего сорок девять кило весит. Пёс скулил жалобно, куда попал ему тать не видно. Да, ничего не видно!

Под яблоней тоже не лучше, не, тела троих татей видно, дядьку в срачице видно, меч изредка в лучах звёзд посверкивает... Нда, а вот чего с татями не видно, то ли все живы, то ли не все. Света явно не хватало.

– Верёвка у меня есть, который самый борзый? – показал дядьке верёвку Коська.

Нда, показал, не то слово и действие. Пришлось нащупать руку ратника и сунуть ему верёвку. Родич принял и остался стоять.

– И?

– Сейчас пани свечу принесёт.

– Не принесёт. Ветер. Нужно нести их в сени, там разбираться, но, чтобы они по дороге не выкинули чего...

– Чего выкинули? – тормознул вой.

– Ай. Оружие. Нужно обыскать, вдруг ножи есть, ты его потащишь, а он тебе нож в пузу. Нужно обыскать и самого здорового связать – верёвка одна.

– Добро, – дядька мечом располовинил верёвку и один конец племяшу сунул.

Коська с опаской склонился над татем ближайшим, который это по счёту из им подстреленных, он не знал, да и не важно. Первым делом сапоги проверил, нет ли ножа засапожного. И нет. Сапог нет. Вместо них опорки. Ботинки из кожи без каблуков и со швом посередине. Вроде бы, постолы называется. В них нож не сунешь. А вот на поясе был нож. Что-то типа финки в кожаных ножнах. Коська нож вынул ремень перерезал и им и связал за спиною руки татю. Рядом с раненым лежал арбалет, и его парень ногой подальше отодвинул. При всех этих манипуляциях разбойник признаков жизни не подавал, а вот когда его парень перевернул, чтобы руки связать, то еле слышно простонал. Жив значитесь курилка.

Дядька в это время скрутил своего и там стоны были явственно слышны. У третьего очутились одновременно. И слава богу. Бандит оказался в сознании и никакие важные члены повреждены, судя по всему, не были. Когда дядька на секунду раньше к нему приблизился, сволочь эта выхватила нож и попыталась и без того порванную уже срачицу дядькину ещё и ножом продырявить. В живот метил, антихрист. Коська успел только на руке повиснуть. Его веса чуть не хватило, и дядька вскрикнул. Но до печени или других полезных для здоровья

органов клинок не достал, и Савелий ткнул кулаком в рожу противную (А какая рожа может ещё быть у татя?).

Коська же пойманную руку назад теперь заворотил и выбитому из сознания бандиту умудрился на спину залезть. Точнее, на шею усесться, задом наперёд. Вторую руку подтянул дядька и они вдвоём скрутили эту сволочь.

В это время к ним и подоспел староста дядька Козьма с настоящим смоляным факелом.

– Что тут у вас?

– Посвяти, – ратник разорвал на животе сорочку, маленькое красное пятнышко обнажая. Всё же Коська вовремя успел за руку схватиться, и дядька ещё и отпрянул, должно быть, даже брюшину не пропорол бандит, так кожу поцарапал, по крайней мере, так это смотрелось в мигающем неровном свете факела.

– Потащили их в сени, нужно осмотреть, да расспросить зачем и по чью душу приходили, – дядька Савёл он командиром у ратников не был. Рядовой вой в княжьей дружине, но тут среди пацана и старосты был наиглавнейшим главнюком. Не с вопросительными интонациями произнёс, а с повелительными.

– И? – Коська хотел было сказать, что в нём бараний вес и он этого... этих совсем не шуплых и не хилых мужиков не унесёт сразу троих, пупок развяжется.

– Кхм, – дядька не дурак, – бери, Козьма, за ноги вон того крайнего, я за шиворот возьму, а ты Касьян вот держи нож, этих карауль.

Уже в доме, точнее, в сенях терема, осмотрели всех татей на предмет лишних отверстий. Первый, которого Коська связывал был точно нежилец, стрела попала в солнечное сплетение и впиалась чуть не на всю глубину. Отходил в адские чертоги душегуб.

Второй, которого спеленал ратник, ненамного дольше на этом свете задержится. У него пробито левое лёгкое, оттуда пузырьки кровавые пузырятся и из рта пузыри красные лопаются. Даже и не стонет уже. Загибается.

И только третий, самый резвый из татей, ножиком срачицу дядькину продырявивший, ворочался и грозился всех убить и один остаться.

– Князю утром передать надо... – ратник окончил осмотр троицы и скорее себе, чем зрителям выдал вердикт.

– Может его спросить, где у них дисло... где обитают в городе?

– На дыбе у князя всё расскажет.

– Мне тут мысль одна пришла... – Константин Иванович вспомнил одну книгу, в прошлом – будущем прочитанную, где чтобы разговорить преступника, использовали его умирающих или даже уже мёртвых подельников, – Дядька Севёл, пойдём выйдем на крыльцо, расскажу, что придумал.

Событие восьмое

– Так князь Остей за самоуправство не прогневается ли? – ратник выглядел бы растерянным, если бы выглядел. Ночь всё продолжалась и выглядел он простым белым пятном, ни лица не видно, ни выражения на нём.

– Всё одно помрут к утру. Без пользы помрут. Не получится, так пусть князь и занимается, а получится, то уже с готовым результатом придёшь, – подтолкнул к положительному решению дядьку парень.

А зачем ему? Любит людей убивать? Не. Любит мучить людей? Садист? Точно нет. Азарт боя не схлынул? Наверное.

– Добро, пойдём, племяш, попробуем твой способ языка развязывать.

Зашли они в тускло освещенные двумя восковыми свечами сени и стал ратник, как актёр совсем-совсем провинциального театра, свою роль отыгрывать. Бездарь, так и хотелось Коське са크раментальное «Не верю» сказать.

– Где вы обитаете в Менске? Где ваш дом? – грозно сверкнул вой очами на того татя, что ему любимую срачицу порвал и кровью испачкал.

– Бог подаст, – хохотнул детина. Не так чтобы больше Сбышека, но точно крупнее Савелия был разбойник.

– А мы сперва твоих друзей спытаем, – ой халтура, даже детские утренники проводить дядьке Коська не доверил бы.

Они с Коськой вытащили из сеней на крыльцо того бандита, что получил арбалетную стрелу в Солнечное сплетение. Там, на свежем воздухе и осенней уже прохладе под утро, дядька сунул нож татю в рану и побередил её. И ни ответа, ни привета.

– Кричи: «Где ваше логово»? – напомнил застывшему актеру парень. Как же, всё не по плану пошло. Издох болезный.

Дядька прокричал. Ой, фальшиво. А Коська заорал. И так пару раз. Пытка.

– Всё, пошли за вторым. Как зайдём...

– Нишкни. Сам разберусь, – осадил свистящим шёпотом зарвавшегося племяша ратник. Нашёлся тут Немирович.

Они зашли в сени, и дядька, как мог, грозно зыркнул на прислонённого сидя к стене живучего бандита.

– Сдох. Туда ему и дорога. Ничего, второго сейчас спросим. Бери, Касьян.

Касьян взял татя за одну ногу, Савелий за вторую, брякая головой очередного подопытного, понесли его... поволокли его к порогу. Там тоже башкой сбрыкали, затворили дверь и сунулся дядька с ножом к ране. А тать молчит, и этот уже в аду сковороды лижет. Мор прошёл у татей по клумбе. Пришлось, опять дядьке роль играть злого полицейского, а парню кричать, срывая голос. На этот раз целых пять раз прокричал.

– Всё, племяш, пошли последнего возьмём и этот издох, – открывая дверь пробасил ратник.

– Может к князю его, он там на дыбе кату и без того всё расскажет, – отыграл заготовленную роль доброго полицейского Касьян.

– Не, или скажет или тоже прикончим, пусть со своими в ад отправляется, – зашипел на парня Савелий. И это и в самом деле похоже было на злость и решительность, – Ну, где обитаете, душегубы? – пнул он по руке разбойника. Рана у татя интересная получилась, Коськина стрела ему навывлет бицепс левой руки пробила. Может пожить ещё с такой раной, тем более кровь уже запеклась.

– Скажу я. Не убивайте. Рядом с погостом, за посадом, там пять домов отдельно стоят, мы во втором от погоста у Третьяка поселились. С Полоцка мы. Нас пятеро. Ну и Третьяк. Он

раньше приехал и дом этот купил. В Полоцке не поделили место с Arvedsom (Арведсом) и его ватажкой. Пришлось ноги уносить.

Чуть не полную свою биографию разбойник рассказал.

– Всё, племян, завтра сдадим его князю Остею Владимировичу, пусть он с ним что хочет робит. А мы спать пошли. Своё мы сделали.

Дядька-то ушёл... а нет, тоже не ушёл. К нему с вонючими мазями брат Константин подскочил. Про «вонючие» – гипербола. Даже напраслина. Но именно для ран мазь была на основе скипидара или дёгтя сделана и пованивала не как розы. Про розы тоже гипербола у Константина Ивановича было больше десятка роз на даче и пахли они очень слабо, нужно прямо принюхиваться. И только у одной был запах посильнее, но пахла она лекарством.

Зелееварец сначала... Это уже по совету Коськи, промыл рану водой, потом хлебным вином, которое ему Касьян презентовал, осталось немного браги после принудительного отравления татей Федьки-Зверя. Потом перекрестил монась рану, дунул и только вот после всего этого дегтярной мазью смазал.

Дядька пошипел. Может всё же на скипидаре мазь-то?

Почти ту же процедуру брат Константин проделал и с татем. Звали удачливого товарища Мал. Нда, Мал да удал.

Даже тряпицей руку монась разбойнику перевязал. Касьян хмыкнул, наблюдая за этим.

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт.

– Ась? – отвлёкся от лекарства брат Константин.

– Ему завтра ран добавят. Калёным железом.

– Душа какая ни есть, а божия.

– А если это он Вавеля подстрелил? Лучше бы собачкой занялся...

Именно в этот момент в сени из дома и Сбышек высунулся.

– Скулит. К хельге надо, – здоровяк стал плащ на себя накидывать.

– Сейчас его брат Константин посмотрит, – остановил испуганного великана Коська.

Брат посмотрел. Ранение было в грудь. Глубокое или нет не понять, стрелу лях вынул. Чем хороши арбалетные стрелы, так это тем, что наконечник не больше толщины самой стрелы и в ране не застревает. Грудь огромной собаки была перевязана крест на крест.

– Я не лекарь, а травник, зелееварец, мазь могу наложить только, – предупредил монась, подступая к собаке. Та на него слезящимися глазами глянула и морду опять на пол брякнула.

– Не укусит?

– Что он дурной лекарей кусать. Понимает всё. Умнейший пёс.

– А знаешь, Сбышек, иди на самом деле хельгу приведи, – вдруг переменил своё мнение парень.

Во-первых, и в самом деле лекарь лучше обычного травника, а во-вторых, ему же нужна хельга или хельг, чтобы магическое образование продолжить, бабка Ульяна теперь вне зоны доступа.

Событие девятое

Утро вечера мудренее. Жена мужа удалее.

Утром на одной телеге и одном коне Кауром тронулись к детинцу. Дядька эту крепостцу в центре города то кремником называл, то днешним градом. «Дне» – это в переводе на современный – внутренний. На телеге уже сундука огромного Коськиного не было. Оставили его в конюшне у пани Валенсы, как и медную посуду итальяйскую. Если там, в терему, теперь жить будут, то зачем это в кремник везти, там точно найдётся кому приватизировать. Тот же кухарь княжий Демид в вечное пользование посуду дорогую заберёт. Обойдётся. Хватит с него рецепта майонеза.

Вместо скарба на телеге лежит разбойник Мал. Ну и мешок с линиями холодного копчения. Нужно же презентацию товара лицом провести. Касьян ехал на телеге с кислой миной. Не видел он ни одного плюса от этой работы. Зачем? Получать тумаки и выносить помои? Ейной мордой будут в харю тыкать? У него есть план. Мать его! Ему нужно отжиматься, подтягиваться, бегать. А ещё метать ножи и тренироваться в стрельбе из арбалета, да и силушку подкопил, уже можно и на лук перейти. И когда всем этим заниматься, если нужно котлы чистить и помои выносить? А когда учиться зельеварению и волшбе? А чему его может кухарь научить? Полбу варить и репу парить? Сомнительные знания.

Всё это парень дядьке Савёлу под разными соусами втирал, но тот или не слушал, или делал вид, что не слушал, а иногда и подзатыльник отвешивал, ну, это когда всё же слышивал.

– Там князь, ежели заметит тебя, то и вознести может на невиданные для нас вершины! – с пафосом изредка отвечал дядька на вопрос: «Зачем?».

– И зачем? Зачем мне эти вершины? Что там хорошего? – эти вопросы парень не задавал родичу, тот не поймёт. Как это не стремиться оказаться поближе к князю?!!

Лечить собаку вчера ночью или вернее сегодня под утро пришла хельга ничем не похожая на их бабку Ульяну. Эта была вполне себе не старой, лет сорок – сорок пять и явно была сильнее их лекарки. Когда она поднесла руки к ране на груди у Вавеля, то прямо яро они зелёным светом светились целую минуту. Это не еле видимый водоворотик зелёный у бабки Ульяны. Вот у кого нужно волшбе учиться. Она, кстати, вполне себе оценила и посчитала себе равным брата Константина с его мазями. Зелееварец даже потом с ней разговорился, и они стали разные рецепты обсуждать.

– Вавель? – на рык Сбышека, когда она просто отошла от собаки ничего не сказав, женщина только рукой махнула, – Нормально всё с ним, пусть полежит пару деньков. Ничего плохого. Лёгкая рана. Просто крови много потерял.

Сбышек ещё раз рыкнул утром, когда весь народ засобирался, а ему два трупя татей оставили.

– Со tam z nimi zrobić?! (Что мне с ними делать?!).

– Не, Сбышек, ты не зыркай на нас. Может их Коська и убил, но приходили тати вас с панной Валенсой грабить, да и убивать, наверное, так что это твои трупы. Что хочешь можешь с ними делать, – заготовал дядька.

А чего, правильно. Помогли немного, но не всю же работу за него делать.

Ехать не далече. Посад у Менска не велик и даже то, что польский терем находился почти на самом его краю дорогу длинной не сделало. Через пять минут они встали у запертых ворот. Что можно сказать о кремнике? Метров триста длинна и около сотни ширина. Пусть сто двадцать ширина, шагами Коська не мерил, так на глаз. Они подъехали к воротам, которые в этой ширине посреди были. Пятьдесят метров в одну сторону до невысокой метров в шесть – семь деревянной башни, и примерно столько же до второй башни. Эта повыше будет, метров девять,

а то и все десять. Башни – это срубы с бойницами. На верху крыша треугольная, четырёхскатная, но она вынесена над срубом, там смотровая площадка расположена. Вдали виднеются ещё три такие же башни, повыше, по краям противоположной стены и одна по центру. Ворота одни и над ними барбакан имеется с крохотуличками башенками на пару человек по краям.

Стены кремлика это не вертикально вкопанные заострённые брёвна, нет, конструкция совсем другая. Это стены как у сруба, брёвна лежат. И видны ласточкины хвосты крепления. Получается, что вся стена – это срубы. Там, наверное, всякие нужные и ненужные вещи хранят, там же должно быть и всякие гриднические, сеновалы, амбары и конюшни. Конюшни точно, так как дерьмо конским прилично пованивало.

– Савёл?! Тёзка! – с барбакана окликнули дядьку едва они остановились у ворот. Собраны они из бруса толстенного сантиметров в двадцать, и железом и вдоль и поперёк окованы. Массивные такие створки, одному ещё постараться надо, чтобы открыть. К воротам вёл мостик неказистый через ров. Воды в нём не было, но видно было, что за ним следили и поросли дикой малины и шиповника вырубали. Почему без воды ров-то понятно, почва песчаная, а кремлик на холме небольшом, сюда воды реки не направишь, а если каким насосом и подать, так вода впитываться в землю песчаную будет быстрее, чем её поднимать будут от реки.

– Рыжий! Открывай ворота, я князю татя привёз. Ватажка на нас ночью напала, – сказал это дядька Савелий с таким пафосом, что ясно всем и Рыжему, и Коське, да и второму воротчику, пока неназванному, стало, что в ватаге татей было не меньше кавырнадцати и всех их дядька голыми руками передушил, а вот этого главного врага захватил в плен самолично, вырвав меч из одной его руки поганой и булаву богатырскую из другой.

Глава 4

Событие десятое

– Эвона как? Татей ватажка? Зараз откроем.

Рыжий с неизвестным принялись стучать и бренчать чем-то тяжёлым и железным, а после с потусторонним скрипом одна створка стала наружу распахиваться.

– Масло жалко, петли смазать, или солидола, тьфу, дёгтя, – сообщил новую новость дядьке парень.

Князя видимо позвали. Он подъехал от детинца в центре большого двора кремлика по таким же деревянным тротуарам в сопровождении трех не менее нарядно одетых всадников. Сам он был весь в красном. Только оттенки разные, высокие выше колена сапоги были красно-коричневые, штаны красно-рыжие, а вот рубаха ярко-алая, на голове алая же мурmolка, отороченная коричневыми соболями, и перо алое торчало сбоку.

Ехал он целую минуту, чего тут сто метров ехать, а вот ждал коня целых десять, за это время можно было три раза туда-сюда на коленях сползать, но нет, лошадь ждал. Вспомнил Константин Иванович из книги в книгу описания этого момента, мол, невместно князьям пешком ходить, они и до нужника доедут на коне. Обделаются, но дождутся коня. Судя по тому, что Остей спокойно стоял и ждал, когда к нему кобылку подведут, то так видимо и есть. Почему не жеребца? Князь и на кобыле? Ну, лошадка Коське понравилась – явно арабских статей, тоненькая вся поджарая и масть интересная – чуть не жёлтая. А грива и хвост чёрные. Красивая лошадка, на такой можно князю ездить.

– Что за тать, Савёл? – спускаться с кобылы жёлтой красный князь не стал, объехал телегу по кругу, разглядывая связанного, но зыркающего на всех исподлбья пленного.

В красках, упустив про то, что всех троих ранил Коська, а потом он же предложил необычный допрос, поведал историю ночную воинственно-боевую ратник.

– Хитро. Запомнить надо. Вот что Савелий... – князь, задумавшись на десяток секунд, махнул десницей в сторону детинца, – Бери десяток ратников и срочно скачите к погосту, этих иродов, как получится, сдадутся, так живьём притащите, нет, так и чёрт с ними. Но этого Третьяка лучше живьём берите. Обоих с этим на кол посадим, порадуем народ. Давно у нас татей-то не имали.

Дядька убежал, князь уехал в сторону ворот и вскоре скрылся за ними вместе с сопровождающими, воротчики вернулись на барбакан, а Коська неожиданно для себя один остался. Ну, в смысле, ещё тать и конь, но так-то один. Минута прошла. Две. Пять. Десять.

– Ей, малой, развязал бы меня, – услышал парень за спиной голос шипяще-свистящий.

– Зачем мне это? – не оборачиваясь поинтересовался Коська. Действительно поинтересовался, интересно же, зачем ему татя Мала развязывать.

– Развяжешь, а потом я тебе про захоронку нашу шепну, – продолжал сипеть Мал, видимо чтобы воротчики не слышали.

– Ты дурак, дядя? – шепотом, подражая оппоненту, рассмеялся Коська, – Утром деньги вечером стулья, в смысле, говори, а потом развяжу. Опять же, скорее всего, не развяжу, ты мне соврёшь, как мне тебе поверить можно, да и сейчас дядька Савёл с ратниками двоих дружанов поймают и те им сами расскажут.

– Шалишь! Ничего не расскажут. Только мы с Прошкой знали. Прошку вы убили. Я один остался.

– А ладно. Расскажешь мне, я тебя развяжу, а ты отсюда сразу к захоронке и ноги к ней приделаешь, ну, утекёшь за кордон. В Китай. Опять обман?

– Ты вроде большой парень, а дурень, куда мне землю ковырять, мне бежать надо, ратники искать будут, в лесу хорониться надо, да к Полоцку двигать, не до копаний земли.

Касьян точно убийца собачьего отпустить не собирался, но клад бандитский – это интересно.

– Говори...

– Хитёр. А ты побожись, что развяжешь, матью клянись, – просипел разбойник.

– Матью? – Коська сделал вид, что задумался.

– Матью! – надавил Мал.

– Лады! Матью клянусь, что развяжу, если правду про клад расскажешь.

– Перекрестись!

Перекрестился. Чего матери-то делается, её вот такие же бандиты убили. И им он за неё отомстил.

– Богом клянусь и матью! – под троекратное крещение усилил клятву парень. И даже пальцы, скрещенные, за спиною не держал. Константин Иванович воинствующим атеистом не был, а вот в церквах был только на экскурсиях и к церкви относился, как к предприятию, которое деньги из населения выкачивает. Сюда же попав, приходилось по воскресеньям ходить в церкву на заутреню, но больше от этого верить в бога не стал. Так что клялся и крестился, не опасаясь возмездия. Возмещается тем, кто верит, а атеистам всегда и царствие небесное и прощение за все грехи. Сходи только один раз перед смертью в церкву и окрестись.

– Гляди! Поклялся. Схоронили мы серебро и золото на погосте там недалеко от дома Третьяка могила есть свежая, там ещё крест большой, резной стоит, и имя вырезано: «раб божий Фома». Вот в ногах такой крест, а в изголовье на локоть в глубину захоронка наша, мешок кожаный. Всё, развязывай быстрее, а то придут ратники.

Коська стал себя по поясу охлопывать, нож в ножнах или кинжал искал. Ну, делал вид, что искал. А сам на сени детинца поглядывал, ну где же дядька, просто так обманывать всё же не хотелось, искал повод соскочить.

– Развязывай! – чуть не крикнул Мал, точнее, крикнул, но опять свистящим шёпотом.

– Эх, не успел, вон ратники идут, – и только парень это сказал, как дверь в самом деле открылась и к телеге бегом... понёсся дядька Савелий. Понёсся – это гипербола. Весь в железе с мечом, который придерживать одной рукой приходилось, бег этот на семенение больше походил.

– Гоооореть тебе в Аду! – уже не шипя во весь голос оскалился тать.

– Сидеть тебе на колу! – в тон ему ответил парень.

– Касьян, пошли со мной! – не добегая, замахал руками дядька.

– А этот?

– Вон, Фёдор со своими, сейчас его в подклеть определят. Пошли. Кухарю тебя передам.

Событие одиннадцатое

Касьян шёл за дядькой и думу думал. Дума была нехорошая. Захоронку татей хотелось бы занять в свой удел. Но имелся на взгляд парня огромный такой минус. Этого Мала будут пытаться, на дыбу вешать, вопросы задавать, и он без всякого сомнения выдаст место клад. Придут туда дружинники с тиуном, а клада нет. Они назад к татю, где, мол, Мал? А он им и скажет, что Коська знал. Я ему рассказал. Он – смерд поганый и раскопал. Тогда на дыбу Коську. Нет ничего хорошего в висение на дыбе. И про этот клад расскажет висельник и про предыдущий и всё золото серебро отдаст, а там и сам на кол садят.

Если не будет стопроцентного алиби. Не мог я, ексель-моксель, ничего взять, так как всё время в детинце был. А как взять и вырыть клад, не выходя из кремлика, и при этом всё время ещё и на виду нужно находиться. Тут сложнее задачки про волка, козу и капусту. Есть только один выход – нужен поделщик. И это должен быть не дядька, так как его тоже могут на дыбу вздёргнуть. Или, может, ну его этот клад, у него денег даже после покупки дома до конца жизни хватит, если Мозельское каждый день бочками не глушить. Сказать князю, заработать очко и плюс в карму?

Но! Хотелось! Думать надо.

Этот самым кухарь княжий Демид был неказист. На повара карикатурного с пузом и розовыми пухлыми щёчками он не походил ни пузом, ни щёчками. Пуза не было. Глисты, наверное. Кухарь был тощ, как этот самый глист. Про щёчки и говорить не стоит. Хотя, чего не сказать, щёки были заросшие. Борода такая шкиперская, подстрижена. Ну, чтобы в чан не свешивалась. Борода сивая. Когда-то были каштановыми волосы, но теперь выцвели и полно вообще седых, на голове тоже седых хватает, виски все солью присыпаны, а ещё проредил возраст волосы. Нет кудрей на голове, и нет поварского колпака.

Нос красный в прожилках. Такой настоящий нос алкоголика, как их на плакатах по борьбе с пьянством изображают. Коська даже принюхался, но от товарищи перегаром или свежачком не разило, видимо нос не от возлияний красный. Пахло хлебом свежим, горячим.

Всё это Демиду можно было бы и простить, лицо и лицо, да, не красавец, так мужчина и должен быть лишь чуть красивее обезьяны. Но этот не был красивее. Переболел в детстве кухарь оспой, и теперь всё лицо было в рытвинах, точно горох молотили. И рытвины глубокие и так их много, что лицо похоже на змеиное, в чешуйках как бы таких. Таким можно инопланетян без всякого грима играть. И руки у Демида были волосатые и тоже в оспинах. Вот кого-кого, но этого персонажа Коська, будь он князем, к себе поваром точно бы не нанял, пусть у него хоть три звезды Мишлена на груди висят. Осознавать, что тебе еду готовит человек с такой внешностью, уже аппетит до нуля опустит.

Не, ну, ясно, что сейчас половина населения в оспинах, но всё одно – неприятно. Ещё и волосы на голове жиром видно смазаны, прилизаны. Нет, будь он князем, завёл бы другого кухаря.

– Доброго дня, – проявил вежество парень, кивнув головой, изображая лёгкий поклон в сторону кухаря.

– Ты как кланяешься, смерд! – бамс и Коська оплеуху заработал.

– А ведь классно! Отличный выход.

Парень ткнул ладонью в Солнечное сплетение дядьке, бывает, промахнулся, руку для рукопожатия протягивая, и когда тот стал хватать воздух, как щука из воды вытщенная, схватил мужика за локти, якобы поддерживая и провёл пальцем по выступившим на локтях жилам. Током вдарило повара отлично. Скрючило и на колени бросило, но парень ему упасть не дал, поддержал.

– На помощь! – заорал парень, – Князьему кухарю плохо, – и ещё раз в солнечное сплетение, – Дяденька! Дяденька, что с вами? На помощь! Кухарю князьему плохо.

К нему уже бежали, и дядька, далеко не успевший отойти, и двое дружинников, бросивших возиться с Малом в телеге, тот от них не связанными ногами решил отбиваться.

Орал Коська, орал Мал, выл Демид и орал, раздавая приказы, тот самый дружинник Фрол, что получил пяткой в нос от татя. Веселуха.

– Что тут?! – Фрол поднял за шиворот кухаря.

– Бес! В него бес вселился! Пошёл прочь! Бес, держите его! Ловите его! Его запороть надо!

Парень никуда не бежал, он стоял и крестился, изображая участие.

– Бес, дядечка кухарь, где бес, кого ловить? Вам плохо?! Плохо кухарю князьему, хельгу нужно! Хельгу позовите!

– Что с тобой, Демид? Ты сегодня второй раз при мне падешь, может, тебе, правда, лекарку надо.

И тут произошло, то, чего Коська точно не ожидал. Демид вырвался из поддерживающих его рук, шагнул к Касьяну, вытянул руки... и вдруг повалился на землю, скрючился в эмбриона и затих.

– Да позовите лекаря! – теперь уже на самом деле вопил Коська, а не спектакль разыгрывал.

И лекарь пришёл. Не тот глагол. Он не пришёл, он пришеествовал. Длинный плащ из синего атласа скрывал всю фигуру высокого человека с длинными седыми волосами. Борода длинная, как у Хоттабыча и жидкая как у... Хоттабыча и длинные усы, которые рисуют у барона Мюнхгаузена. Плащ был до земли и шевеления ног под складками материи видны не было. Хельг, очевидно, делал мелкие шаги и из-за этого казалось, что он плывёт по деревянному помосту. Голова при этом поднята высоко, и восходящее солнце, отражаясь в глазах, делало их красными.

– Язеп, кухарю плохо, про бесов кричал, а потом упал и не двигается, – Фрол если и волновался за кухаря, то не бегал, руками не махал. Степенно себя вёл, как десятнику или сотнику княжескому положено.

– Раздайтесь. А ну прочь все. Фрол, ты с парой воев тут побудь.

Лекарь, если он командует командиром ратников, в иерархии кремлика явно был не последним человеком. Он склонился над Демидом и положил ему руку на лоб, потом попытался нащупать пульс. Что уж у него получилось, Коська не понял, но потом хельг перевернул кухаря на спину. Левая половина лица у Демида была перекошена и под ним была рвота.

– Да у него инсульт. М... Кондратий хватанул. Апоплексический удар, – стушевался Касьян, когда все присутствующие, и лекарь в том числе, к нему повернулись.

– Кто ты отрок? – стал подниматься хельг.

– Я? Касьян.

– Учишься на лекаря? – потерял к кухарю интерес Язеп.

– Бабка Ульяна у нас в селе учила и брат Константин – зелееварец из монастыря, – Коська не знал теперь радоваться, что кухарь неожиданно заболел или идти молиться, возможно это он убил человека и всего за одну затрещину. В будущем-то с инсультом мало кто выживает, а тут и вообще – труба дело.

– Прав ты отрок. Демида Кондратий хватил, удар у него. Лечить буду. Несите ко мне в горницу, – старец уже обернулся к детинцу и даже пару шагов сделал, но потом обернулся и всем телом медленно так повернулся к Коське, – Пойдём, отрок, со мной. Проверю кто и чему тебя учил.

Событие двенадцатое

Семена за лекарем со странным именем Язеп, который неспешно шествовал опять к детинцу за двумя ратниками, что волокли под руки кухаря, пытаясь держать его как можно более вертикально, Коська соображал куда он влип опять и как из этого вылипнуть теперь. Получалось, что пока Демид в сознание не придёт и связно говорить не начнёт, можно сильно не дёргаться. А придёт он в себя? А сможет при этом внятно говорить? А вообще овощем не останется? Инсульт вещь такая. Константин Иванович с одним человеком, пережившим инсульт, возился. Это была мать жены или тёща. Хорошая, работающая, тихая женщина, которая вечно таблетки горстями пила от давления. Медицина почти поставила её на ноги, потом и они с женой три года пытались. С переменными успехами борьба шла, года три шла, но потом повторный инсульт борьбу прекратил.

Так Константин Иванович в интернете в поиске средств исцеления много чего про эту болезнь прочел. Исходы разные. Но это в двадцать первом веке с его медициной, а вот здесь у кухаря шансов выкарабкаться гораздо меньше. Ещё и вопрос, а вспомнит ли он удар в солнечное сплетение, когда сможет говорить, если вообще сможет.

Решил Коська горячку не пороть, в бега не подаваться. Тем более, что судьба подсунула очередную развилку, не зря этот странный лекарь княжий его на экзамен позвал. Возможно, возьмёт помощником или учеником. Дед не молод, пора о наследнике для своих знаний и умений думать.

Как там у Высоцкого: «Все жили вровень, скромно так – система коридорная: На тридцать восемь комнаток – всего одна уборная». Насчёт уборной не очень понятно, но система точно коридорной не была. Была та самая знаменитая анфилада комнат, переходящая из одной в другую иногда даже без дверей. Потом была лестница на второй этаж. Кухаря кряхтя затащили двое ратников и встали. Нет, он был не бегемотного телосложения, как раз наоборот, глистообразным был, но вот лестница узкая и винтовая и она никак не хотела вмещать троих плечистых добрых молодцов. Она одного бы с трудом вместила, если бы скажет Сбышек решил по ней подняться. И за руки, за ноги кухаря не возьмёшь, какой дурак такую лестницу строил, она слишком круто поворачивала. Хотя, если бой будет внутри детинца, то на такой лестнице триста спартанцев не нужно, один спартанец верхние Фермопилы оборонит.

Из-за этого Демида под руки взял один из воев и стал нести перед собой почти на вытянутых руках, да ещё и вверх вытянутых. Кухарь был довольно высок, метр семьдесят пять где-то. Второй же ратник первого – несунa, поддерживал и подталкивал сзади, не давая тому со своей длинной ношей назад завалиться.

Долго ли коротко ли, но дошли до обиталища лекаря. У него целых две комнаты имелось. И вот здесь на втором этаже имелся коридор, который и заканчивался двумя комнатами хельга Язепа.

– Вон на лавку под окном положите, – кивнул головой вперёд лекарь, пропуская дружинников с Демидом опять под ручки волокшие его.

– Тяжёл. Тощий, а тяжёлый, – пропыхтел вой постарше, – Ну, мы пошли, али исчо чего надобно?

– Идите. Ничего не надо.

Язеп подошёл, поправил, свесившую с лавки руку Демида и повернулся к замершему у порога Коське.

– И, чего стоишь? Рассказывай, как лечить его собираешься?

Глава 5

Событие тринадцатое

Что там врач говорил, там в будущем, когда тёщу из больницы выписывали? Вам теперь нужно привести в порядок давление и залечить травмированные сосуды. Лекарства я выпишу, но мой вам совет, полазьте по интернету и посмотрите народные средства, в купе с химией эффект будет гораздо серьезнее.

В интернете много чего было. Больше всего советовали красные сосновые шишки. Ну, это молодые совсем шишечки, которые ещё твёрдыми не стали, там была спиртовая настойка. Нужно залить эти красные шишки в количестве сорока штук одним литром водки и настаивать тридцать – сорок дней. Употреблять настойку красных шишек по одной чайной ложке три раза в день за тридцать минут до еды.

Вот только шишки эти нужно собирать в мае, а тогда, как и сейчас, был сентябрь. Потом, на следующий год, только эту настойку сделали. Второй рецепт был тоже сосновый, но он был проще. Не так, и первый простой. Второй был доступней. Здесь надо насыпать в термос горсть свежей хвои и залить одним литром кипятка. Настоять ночь, добавить сок одного лимона и дать еще постоять пару часов. Выпивать это средство требовалось в течение дня за полчаса до еды по половинке стакана. Курс лечения десять дней, через десять дней можно курс лечения повторить.

Был ещё квас из этой же хвои.

Вот с него Коська и решил начать. Там технология. Можно за умного сойти.

– Я бы начал с приготовления кваса, он готовится долго...

– Если долго, то оставим на потом, говори про простые средства, – перебил довольно нетерпеливо его хельг в синем плаще.

– Нужны, как и для кваса, сосновые иголки.

– Хорошо. Иди, ведь свежие нужны, – Касьян кивнул, – Иди, чего стоишь, у тебя человек умирает?!

– М... А где здесь близко сосны? Я только вчера поздно вечером приехал. Ничего тут не знаю, – парень было рванул на выход, прокручивая в голове поход сюда, чтобы не заблудиться на обратной дороге в переходах детинца, но потом решил про сосны уточнить, а то фиг его знает растут ли вообще тут сосны.

– Сосны? Да тут рядом. На погосте полно сосен. Близко, беги давай.

– Погост? – это парень уже на бегу прошептал себе под нос, – Брать или не брать? Вот в чём вопрос.

Заблудиться не получилось, прямо перед ним топали на выход те два ратника, что принесли кухаря. Стояли, видимо, отдыхали после трудов праведных, опять же, чем дальше от начальства, тем лучше, а то ещё какого бугая заставят нести. Их неспешное шествование по коридору, лестнице и потом по анфиладам Коську не устраивало, но он их не обгонял, сообщая всё, брать или не брать. Как раз медленный шаг успокаивал взбудораженные мысли.

– Ты чего? – оборотился к нему один из воев.

– Лекарь отправил за... ингредиентами к зелью.

– Ингирдидеррентам? – даже остановились ратники.

– За травами.

– А, так бы и говорил. Рыжему скажем, чтобы назад запустил.

Коська решил клад выкопать. На что понадеялся? Да на русский авось².

Едва ворота в кремлик скрылись из вида, как он припустил со всех ног к видимой издали церкви, за ней и было кладбище. План был плох. Ему много чего могло помешать. Ну, там, похороны могли быть, и тогда на кладбище – погосте куча народа. Или кто проведать придёт на сорок или девять дней. Опять же, со слов Мала, крест этот с надписью в самом начале кладбища. Если там нет забора, что скорее всего, то, как он разрывает могилу днём, могли и с церкви увидеть и из ближайших домов.

Пока всё это парень придумывал, чтобы себя побольше напугать, ноги уже вынесли его сначала к церкви, которую он обогнул со стороны реки Свислочь, а потом и до кладбища донесли. Ну, вот, зря себя накручивал. Кладбище от церкви и крайних домов отделяла рощица старых сосен. Небольшая, деревья видать почти все вырубили вокруг Менска на строительство кремника, а вот на погосте и рядом с ним постеснялись. Так, сосен пятьдесят в два ряда и стояло.

Парень первым делом взобрался на сосну и в мешочек, что ему сунул княжий лекарь, стал собирать зелёные иголки, отрывая их с маленьких веток. Шишки были на дереве, но уже старые созревшие, не годились для лекарства. С сосны Коська оглядывал кладбище. Или рано ещё для похорон, или не будет их сегодня. Как не было и всяких поминающих. Не распивал никто горькую, сидя на лавочке у могилы. Тишины не было, тут врать не стоит. Ворон было прилично, и они орал на все голоса и сороки трещали, чего-то видать не поделили и свару настоящую устроили.

На отвар пару горстей надо и два стакана на квас, и пары минут не прошло, как Коська набрал нужное количество и стал спускаться. А ещё через три минуты уже шастал между крестами, разыскивая тот самый, с надписью про Фому.

Не обманул в этом Мал точно. Вот она свежая могила, травой ещё не заросшая, и крест большой, резной стоит, и имя вырезано: «раб божий Фома». Касьян достал нож из-за голенища и стал рыхлить землю, отгребая в сторону. Сначала всё время озирался, боясь, что пожалует кто, а он тут чёрте чем занимается. Осквернитель могил! Ату его!!! Но время шло, никто не кричал, земля не утрамбовалась и поддавалась легко. И парень успокоился. Яма уже была приличной, и парень стал думать, что Мал его надул, но тут нож упёрся во что-то. Коська интенсивней заработал руками, отгребая землю.

– Вона чё! – показался такой сидор с лямками что ли, только не из парусины, а кожаный. Мешок, одним словом. Парень потянул за лямки и вытащил разбойничью захоронку.

Теперь нужно было привести могилу в нормальный вид. Ещё пять минут, лопатой бы и в пару этих минут, тут неизвестных, справился, особенно совковой, но в наличие только ладони и нож. Попрыгав и утопав землю, Касьян оглядел осквернённую могилу, отойдя на пару шагов. Видно, конечно. Есть свежая рыжая земля, по цвету отличающаяся от той, где она не тронута, и профиль чуть искривился, но это уже без лопаты точно не поправить.

Куда он денет сидор этот Коська придумал ещё когда на дереве был и иголки собирал. Туда на сосну он его и повесит. Сосна лохматая и снизу на такой высоте ничего не видно. Тем более, есть старое воронье или сорочье гнездо. До весны оно бывшей хозяйке не нужно, вот пусть в нём и полежит сидор.

Смотреть, что там, Касьян не стал, некогда и так придётся оправдываться за долгое отсутствие. Но на вес было килограмма четыре. Даже если это одно серебро, то получается примерно тысяча пражских грошей, а это вполне приличные деньги, есть за что рисковать, за четверть такой суммы они огромный терем с подворьем только что купили.

Всё, теперь со всех ног назад.

² Образовалось через сращение союза а и указательной частицы осе (имевшей значение «вот»), слово использовалось в качестве противопоставления (на что указывает и словообразование через аосе): еще не случилось, авось (а вот) случится.

Событие четырнадцатое

– Квас? Да ничего сложного.

Коська уже час почти как прибежал. Ворота в кремник были не заперты и Рыжий теперь не по барбакану прохаживался, а стоял в позе скучающего Промокашки из фильма про Шаропова, нога за ногу и только семечки не лузгал, далеко ещё до семечек. Через сто десять лет только Колумб поплывёт, да пока на Руси из цветка сделают настоящий Подсолнечник с крупными семечками.

– Быстро ты, за травами ходил? – хлопнул Рыжий Коську по плечу, пропуская парня внутрь.

Не получил выговор Коська и от лекаря Язепа, хоть тот и глянул недовольно.

– Я ещё потом опомнился и вернулся на квас набрал иголок, – начал оправдываться парень, но хельг рукой на лежащего на лавке Демида указал и ничего не сказал.

– Кипяток нужен. И... – парень хлопнул себя по лбу. Лимон? Ага, тут в середине четырнадцатого века в каждом супермаркете лимоны продают. Стоп. Не паниковать, стал себе успокаивать Константин Иванович. Если нужна просто кислота, то хрен бы с ними с лимонами. Есть, наверное, щавель или ревень? Или чёрт с ними со всеми, есть простой яблочный уксус. Только как об этом спросить хельга, чтобы тот не выявил сразу в нём Штирлица. Когда на Руси появится щавель и ревень? У себя на огороде этих овощей Коська не видел. Что-то про ревень и Китай смутно вспоминается, вроде Алексей Михайлович завёз и стал в Европу продавать. Слабительное? То есть, ни ревеня, ни щавеля ещё нет.

На минуту Коська глаза закрыл. Лимонная кислота есть в смородине и сливах. Ну, положить тех же слив чуть больше, не сто грамм, а сто пятьдесят. Сейчас как раз есть и смородина, и слива, осень же.

– Мне ещё слив несколько надо.

– Надо, иди на кухню, там и кипяток есть, и слив для лечения своего главного кухаря найдут, а нет, так прикажи достать.

– Прикажи?

– Главнее лекаря только сам князь, прикажи, – впервые Язеп голос повысил. Флегма до этого такая прибалтийская была.

И ведь это работало. Прошёл Касьян на кухню и выхватил мужика поупитанее. Раз упитанный, то хорошо питается, а раз хорошо питается, то главнюк на кухне.

– Мне нужен кувшин полный кипятка и две горсти слив, чем кислее, тем лучше.

Мужик рот открыл. А закрыть не может, видимо не часто ему пацаны сопливые указивки дают.

– Я лекарь. Ученик лекаря Язепа. Это нужно, чтобы Демида вашего вылечить.

И получилось! Толстяк поклонился и пошёл подзатыльники выдавать, и трёх минут не прошло, как и кувшин с кипятком и сливы были у Коськи, а ещё такая не самая маленькая в мире корзинка с пирогами печёными.

– С курицей пирожки-то, горячие ещё, тебе и хельгу. Лечите там нашего Демида, ни о чём не переживайте, что понадобится – сразу найдём.

Не, ну это же совсем другой коленкор! Это просто крепдешин настоящий. А то ейной мордой в харю и помой выносить.

После того как Коська заварил иголки, он сел было на трёхногий табурет, но Язеп пережёвывая третий или четвёртый пирожок напомнил парню про квас из иголок.

– Для этого в мешочек из льняной ткани высыпают два стакана свежих измельченных иголок сосны. Кладут в этот же мешочек камень. Это чтобы мешочек не всплывал. Опускают в... – там ставили в трехлитровых банках, а здесь. Есть кади для мёда они литров шесть, – в

кадь для мёда. – Дальше нужен стакан сахара. Где его взять? Ну пусть будет черпак мёда. – Добавить нужно ещё черпак мёда. После добавляют столовую ложку сметаны и заливают молочной сывороткой. Кадь нужно обвязать тряпицей в пару слоёв. А после держать в темном месте при комнатной температуре... блин, не жарко ни холодно чтобы было. Настаивать неделю – две, пока квас не приобретет крепость. Процедить и хранить в подполе.

Пьют этот квас теплым, по полстакана. Два – три раза в день натошак незадолго до еды. Лечиться так нужно не меньше двух месяцев.

– Иди. Делай.

– Ась? – парень думал, что лекарь княжий сейчас критиковать начнёт его рецепт и учить уму разуму, доказывая, что он идиота кусок, но нет. «Иди».

– Так я пошёл?

– Иди.

Чудны дела твои господи.

В кухарне словно бы и ждали его, только он появился, как тот самый упитанный дядька перед ним предстал, как лист перед травой, и сразу выцепил за ухо пацана чуть младше Коськи и рядом с собой поставил. Вот такое счастливое детство и его ждало стараниями дядюшки.

– Мне нужно шесть литров сыворотки...

– Шесть чего? Не расслышал? – сдвинул брови упитанный.

– Шесть? Половину ведра. И... м... сметаны... кринку, – надо стать царем, решил парень, и ввести систему СИ.

– Андрий, сметаны принеси. И пробегись по домам в городе с ведром. Нужно полведра сыворотки. Спрашивай у всех. Говори князю нужно... Лекарю нужно, чтобы... Иди давай. Если деньги будут просить, обещай. Потом мне скажешь.

– Спасибо...

– Молодой лекарь, а скажи, как там здоровье Демида? – а ведь не было скорби и надежды на выздоровление в голосе, надежда была на то, чтобы этот старый козёл сдох. Коська это шестым чувством почувствовал, да и голос упитанного подвёл. Слух – это какое по счёту чувство?

Коська склонился к уху интересанта, когда Андрий убежал:

– Плох кухарь. Мало кто после Кондрашки в прежнее состояние приходит. А может и умереть... На всё воля божья.

– Молиться будет. Андрий, как сыворотку сыщёт, то принесёт... и сметану, конечно, а что за зелье такое из сметаны и сыворотки?

– Квас целебный, если у человека голова болит часто, то помогает...

– Молодой лекарь... как тебя звать? – сделал задумчивую физиономию упитанный.

– Касьян.

– Ага, лекарь Касьян, а не расскажешь ли состав, и как делать квас сей. У меня у жены часто голова болит, и у матери её. Мается сильно.

– М...

– А я всегда, если что нужно, лучшие кушания.

– Записывай.

– М...

– Слушай.

Событие пятнадцатое

– Язеп, а ты сейчас чем поишь Демида?

– Настойкой бородавочника. Знаешь такой рецепт? – хельг приподнял голову кухаря и вливал тонкой струйкой туда коричневатую жидкость.

– Да, делал... – ай! Не Константин Иванович и этот рецепт в интернете нашёл и им тоже поил тещу. Но не Коська же, нужно выкручиваться. – Делал вместе с бабкой Ульяной у нас в селе. Одну ложку мелко порезанных листьев цветущего чистотела или бородавочника залить стак... кружкой кипятка и настаивать около получаса, пить не ложке три раза в день. Много нельзя, чистотел ядовит. Пить нужно три седмицы.

– Правильно, но сейчас больному можно и побольше. Плох совсем. Если до утра доживёт, то хорошо. Твой настой из хвои только утром же готов будет. Доживёт ли до утра? Ладно, пусть бог им занимается, а мы тобой займёмся. Ложись вон на лавку у стола и глаза закрой, проверю я, есть ли в тебе сила лекарская.

– А камень не нужен? Бабка Ульяна меня на каком-то специальном камне проверяла, – укладываясь на лавку поинтересовался Касьян.

– Мне не нужен. Лежи и не шевелись, и не болтай.

Язеп положил одну руку Коське на лоб, вторую на грудь. И сидел так довольно долго. Потом парень почувствовал, как и грудь, и лоб начинают греться, пока аж горячо не стало, не ожог, конечно, но терпеть уже не вмоготу стало и Коська дёрнулся. Хельг руки снял и хмыкнул.

– Горячо! – констатировал парень, поднимаясь с лавки.

– Горячо, – эхом откликнулся хельг, – Это хорошо. Вот, что, Касьян, я хотел взять ученика давно, даже в монастырь ходил смотрел в прошлом году парнишек. Слабы. У одного был хороший дар, но сам он мне не понравился, забитый какой-то, неряха к тому же и сопли текут. А сейчас тебя проверил. Тебя возьму учеником. Дар чуть поменьше у тебя, чем у того неряхи, а может и вровень. Хотелось бы чуть больше, но питьё есть, попьёшь, чуть поднимется и ещё есть другие способы. Так, что, считай себя отныне учеником моим.

Коська метаморфозе во второй раз за сегодня порадовался. Только вечером переживал, что жизнь пошла под откос, а тут одна удача за другой.

– Жить будешь в людской, тут нет места, – развёл руками в стороны лекарь.

– Мы с дядькой... дядька вчера дом большой в городе купил. Может я лучше там жить буду?

– Дом – это хорошо. Давно мечтал о доме. Но куда? Всё время при князе надо находиться. А ты живи пока. Приходить будешь с петухами и уходить на вечерней заре. Да и переоденься. Не люблю красный цвет. Синие себе купи и портки, и рубаху, и сюрко. Да и плащ тёплый. Найдёте денег, али дать? Вот сегодня же сходи на рынок с дядькой. Дядька-то кто?

– Ратник Савёл из княжьей дружины. Найдём денег.

– Савёл, Рыжий что ли? Похож.

– Не, не Рыжий. У дядьки чёрные волосы, каштановые. Невысокий плотный такой. Волосы у меня от матери и деда. Он батюшкой был у нас в селе.

– Ага, из поповичей. То-то смотрю и говор непонятен немного, но разумен весьма, и слова греческие и латинские вставляешь. Знаешь эти языки?

– Точно! Аспирин! Ему надо дать отвар ивовой коры или ростков малины. Кровь нужно жидкой сделать! – вспомнил при упоминании латыни, что теще кардио-аспирин выписали.

– Аспирин? Не слышал, а отвар ивовой коры уже дал. Велики же твои познания, даже удивительно. Болезнь редкая, а ты столько снадобий против неё знаешь. Так что с языками? Аспирин – это латинское слово?

– Латинское. Составное. От лобазника. Дед его так называл.

Язык греческий Коська учить начал. Зелееварец Константин его немного знал, и весь месяц последний скудными знаниями с Коськой делился, по просьбе парня. А латынь? Нет не учил, не медицинский заканчивал, а танковое училище, но в русском языке в двадцать первом веке столько языков намешано, что сотня другая литинских слов точно есть.

– Учу понемногу. Зелееварец брат Константин из Свято-Богоявленского мужского монастыря у меня жил больше месяца летом, учил меня.

– Не знаю такого. Нет там такого брата. А сейчас он где? – вот не поймёшь с этими прибалтами, удивляется он или пофиг ему на этого брата Константина, так разговор поддержать.

– Утром у нас в купленном доме был. А сейчас не знаю. Может в монастырь ушёл.

– Учиться надо. Я тебя буду латыни учить. Греческий сам плохо ведаю. Если сможешь, продолжай у брата Константина учиться. А сейчас ступай на рынок. Смотреть не могу на твои красные одежды.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Дядька Савёл нашёлся в гридницкой. Шёл обед, ну, наверное, хоть по времени и рановато немного. Народ сидел за столом, уплетал те самые пирожки с курятиной и квасом, судя по запаху, запивал. Просто перекус? Человек двадцать. Это сколько же нужно тех пирожков выпечь. Ох и тяжёлая работа здесь у кухарей.

– А, Касьян, вот ты где, ну, что обустроился на кухне? – увидев племянша, замахал ему руками обеими дядька.

– Взяли татей? – это гораздо больше сейчас интересовало Коську, чем мнимое обустройство на кухне.

– Взяли, да не всех. Один утёк. Третьяк этот самый. Разбил рожу Карпу и через кусты к реке ломанулся и прыг туды. Пока мы добежали, он уже на той стороне был. Там плотик был, детишки видимо играли, зацепился за него и переплыл. А мы пока лодку искали он и скрылся в лесу, – всё время расстроено махая рукой с зажатым в ней пирожком, сопровождал свой рассказ ратник.

– Плохо, – хорошо-то, как, теперь точно будет на кого свалить, если его к этому кладу бандитскому станут привязывать.

– Знамо дело, князь Остей Дмитриевич ещё не знает. Ох, прогневается. Ох, прогневется, – опустил и руку, и голову дядька.

– Дядька Савёл, меня княжий лекарь Язеп в ученики взял и велел сходить мне с тобой прямо сейчас на рынок и одежды синие купить, не нравится ему цвет моих.

– Вона чё?! Учеником?! В синем будешь ходить? Вона как?! Бывает же? Брат Константин помог? Да как же это? Лекарем у князя? Ох, высоко взлетел ты, племянш.

– Рынок, – напомнил родичу парень.

– Так князя ждать треба.

Дядька оглядел ратников – соратников за столом, как бы ища у них совета.

– Не можно без дозволения князя, – веско припечатал тот самый Фрол, десятник всё же, наверное, не тянула эта дружина на сотню.

– У меня синяя рубаха есть. Новая почти, чуть великовата парню будет. Роста-то мы одного почти, а вот в плечах жидковат у тебя племянш. Но на рынке не купить сейчас. Там только местные, нужно воскресения ждать, из Полоцка купцы пожалуют, ярмарка будет, – говоривший ратник был страшен. Через всё лицо шёл красный шрам от меча или сабли татарской. И нос был перерублен и сросся криво. Верхняя губа тоже была разрезана и тоже срослась хреновенько, про такие и говорят – заячья губа. А плечи и впрямь широки.

– А тебе, Сенька, что не надо рубахи? – дядька картинно так развёл руками.

– Мала мне. Я её с немчина снял, отстирал, надевал пару раз, но в плечах чуть жмёт. А парню твоему нормально будет. Чистый шёлк. Три гроша прошу.

– За старую рубаху три гроша!

Не подрались, но сошлись на двух грошах и пяти пражских малых парвусах. Потом нашёлся ещё один ратник, что решил синие штаны – порты продать. Ну хоть эти не с трупа сняли. Эти здесь еврей пошил. И не из шёлка, хорошее сукно. Продавал же их вой по странной причине.

– Да как их надену, так обязательно то конь укусит, то лягнёт. Сначала не замечал, а раз на пятый понял, проверил. И точно, как я в этих портках, так он на меня кидается.

– Не может того быть! – гаркнули все за столом, но десятник Фрол согласно кивнул.

– Мне Андрей говорил, я тоже не поверил, а он надел и подошёл к Ворону своему, тот и полез кусаться. Передел и нормально всё. Смирный, ласковый конь. Чудеса.

– Тоже три гроша прошу.

Ну, тут торговаться не стали. Волшебные штаны, как тут торговаться.

– А сюрко синее у меня есть. Тоже с немца снял с рыцаря. Хорошее сукно, плотное, новое совсем и крови на нём почти не было, – подытожил дядька Савелий. – Вот и не нужно никуда идти, а в воскресенье уже ходим на ярмарку и плащ тебе тёплый найдём. Заслужил. Надо же, племяш и лекарь княжий!!! Вот где чудеса!

Нда. Подогнанный по росту и по фигуре его предыдущий наряд был ну гораздо... удобней, симпатичней. Зеркала ростового не было. Зеркал вообще ещё нет. Не придумали. Есть плохо отполированные бронзовые диски. Это у богатеев есть. У князя Остея, наверное, есть. У Коськи не было. Однако, надев на себе принесённые синие шмотки, парень почувствовал, что смотрится в них, как пугало на шесте на огороде. Ну, это ладно, это можно ушить, из большой вещи маленькую можно скроить, но размер был не главным недостатком новых шмоток. От них воняло. Потом, полынью, и затхлостью. Лежали на дне сундуков прежних хозяев эти вещи годами, пересыпанные полынью, и пропитывались этими запахами.

Нужно было постирать, ушить и потом снова постирать и высушить, с одной стирки такую вонь не победить. Сразу Касьяну хельг гораздо меньше стал нравиться, ишь, не нравятся ему его красивые одежды, синие подавай. Эстет, мать его.

– А ну повернись, – эстет губы скривил, а потом и нос, видимо, запах обновок добрался до этого органа лекаря.

– Мне ратники собрали, говорят, на рынок только в воскресенье идти надо, – на поднятые вверх брови ответил парень.

– Переоденься в старое... а это прачкам отдай... ушить бы надо. Ты, Касьян, не скоморох, а ученик княжьего лекаря. Ты это осознай! Иди, найди швею и прачку и не появляйся мне сегодня больше на глаза. Воняет от тебя, всё желание откусать пропало.

– Может не в запахе дело? Кто корзинку пирогов только что умял? – хотел спросить Язеп Касьян, но передумал.

– Хлеб да соль, – пробурчал парень вместо напоминания про корзинку. Как-то не так давно обжёгся, пожелав брату Константину «Приятного аппетита», то не понял. Ясно, опять Пётр ввел. Из Европы украл. Французский, наверное. Его маленькая сестрёнка Варюшка, очевидно, повторяя за кем-то, желала приятного аппетита даже лучше Петра нашего Первого: «Лопай, лопай, ровняй морду с попой».

Теперь Коське квест предстоял. Нужно найти швею и прачку. Гид нужен.

Спускаться на кухню и там спрашивать упитанного не хотелось. Нужно понимать, что главный теперь кухарь Свят – это тоже приличная при дворе шишка и провожать пацанов до прачек в его обязанности не входит. Кто ещё остаётся из знакомцев – Рыжий? Ну, а чего ему, наверное, скучно на воротах, можно и до него прогуляться. Интересоваться же про этих женщин у молчаливого и занятого сейчас приготовлением какого-то сбора из разных трав учителя парень не решился.

Событие семнадцатое

– Одежонку? – рыжий ратник, тёзка его дядьки – Савёл почесал свои космы под шеломом. Рыжим его зря называют. Вот Коська да, он рыжий, так рыжий. Прямо огнём волосы горят. А Савёл, так – рыженький слегка и прозвали его рыжим, скорее, за веснушки по всей роже, чем за практически соломенные волосы.

– Да, ушить на меня и постирать.

– Есть... А гроши есть у тебя? – видно было, что мыслительный процесс идёт в голове под шеломом.

– Есть, – время уже за полдень, а Коська ещё толком не ел, если двух пирожков не считать, что от целой корзинки ему достались, ничегошеньки во тру не держал с самого утра. Хотелось быстрее разделаться с этой проблемой и потом заняться другой. Найти, где можно поесть. Почему-то идти на кухню не хотелось, хоть упитанный и зазывал.

– Ладно. Можно к тётке Матрене, это помощница ключника, тут в кремлике, у неё под началом девки сенные и прачки, но это скоро не будет, хоть ты и лекарь. Лучше, иди в посад, вот по этой улице и через пятьдесят сажен на право к реке сверни. Там дом с крыльцом резным у воды. Там сеструха моя живёт, они и перешьёт и простирнёт. Звать Мотря. Как и нашу ключницу. Скажешь от меня. Только это... племяшку там не обидь, ноги вырву.

– Спасибо, дядька Савелий. Никого там обижать не буду.

Вот Мотря была рыжая. Почти как Касьян и племяшка Василиса была рыжая. Ну, это понятно – рыжий ген доминантный, попробуй от него избавься.

– А ну надевай свою синюю одёжку... – тетка Мотря стирала в деревянном корыте с золой чего-то. И руки были красные, ну ещё бы, зола – это не мыло, там щёлочи побольше будет.

– Хм.

– Вон, на сеновале переоденься. Нашёлся тут недотрога.

Василиса, конечно, полезла подсматривать, пришлось рыкнуть на неё.

Иголок у прачки, чтобы отмерить, сколько ушить не нашлось, мела тоже. На глаз всё. Защищнула тут, защищнула там на рубaxe, просто пальцами. Запомнила и к штанам перешла. Загнула, опять защищнула. Потом то же самое с сюрко проделала.

– Материал хорош, я ещё с травками прокипячу, чтобы запах убить. Красавчик будешь. Все девки твои. К Василисе только не лезь.

Коська бы и так не полез. Маленькая где-то метр сорок девчонка, оказывается, достигла пятнадцати лет и её собирались замуж отдавать. Педофилия в чистом виде. Как тут во время родов первых не умереть? Ей ещё расти и расти, а тут бамс и замуж. Не, есть девицы которые к пятнадцати начинают округляться уже. Но у этой Василисы явно позднее развитие. Ребёнок.

– Завтра в обед приходи, готово будет. Грош с тебя.

И пошёл Коська куда ноги повели. А повели они его к терему. Не хотелось в кремлик возвращаться, а идти больше некуда.

А там его сюрприз ждал. Сидит брат Константин на завалинке, прикрыв глаза и подставив свою бородёнку солнцу. День погожий. На небе если и есть с десяток небольших облачков, то все они мимо солнца пробегают. Бабье лето настоящее.

– Брат Константин, а ты чего не в монастыре? – подошёл к монаху парень, когда его Сбышек запустил в ворота.

– А ты мне не указ. Где хочу, там и сижу, – но голос весёлый, прикалывается гад.

– Княжий лекарь Язеп меня учеником взял, – сообщил радостную новость Коська.

– А я? Малыш, я же лучше собаки? – послышалось.

– А я лечением собаки занят был. Зелье варил, да мази накладывал. А у меня теперь не будешь учиться? – взгляд точно, как у Карлсона.

– А Язеп сказал, что греческий нужно учить. Правда, он сказал, что не знает тебя.

– Слушай, Касьян, не хочу я в монастырь. Я тут хочу. Пусть они мёртвым брата Константина считают. Могли же тати меня жизни лишить. Я продам ткани и платить вам буду, и тебя продолжать греческому учить и зелья варить. А???

Дела? Коська даже от неожиданной просьбы прочность в ногах потерял. Сел рядом с монахом на завалинку. Доски нагрелись. Хорошо. Ещё бы конским навозом не воняло и противным запахом козым с хлева не несло, так вообще филиал рая на земле. Парень прикрыл глаза тоже рожу веснушчатую солнцу подставляя. Он-то не против, пусть брат Константин живёт, вот только что с тем сделают, если настоятель монастыря узнает о сей вольности их брата.

– Брат Константин, я простой малец. Дом дядька купил. Мне не ясна вещь одна. Вот понятно, не хочешь ты в каменной келье холодной жить...

– В деревянной...

– Не имеет значения. Не хочешь в маленькой холодной келье жить, я тут с тобой полностью солида... ай, согласен. Я тоже в кремлике не хочу с кучей народа. Но вот прознают монахи про тебя и придут, да ещё и дядьку... м... анафеме придадут, князю пожалуются, палками побьют, и тебя всё одно уволокут. Может тебе лучше, как это называется – расстричься. Пойти и сказать, что не хочу быть монахом, хочу быть владычицей морскою, ну в смысле мирянином. Будешь зелье варить, продавать, да меня учить. Прокормить мы тебя прокормим. А может ты знаменитым на всё Литовское княжество зелееварцем станешь и от денег... от кун отбиваться придётся. Нас с дядькой кормить будешь. Но это всё после. Ты для себя сначала реши. Думаю, прятаться от игумена плохой вариация... плохая мысль.

Событие восемнадцатое

Вавель лежал, положив огромную башку на лапы и делал вид, что спит. Коська его по лбу погладил, собак дёрнул ушами, но больше никак не отреагировал.

– Выходим, не дадим пропасть, – за спиною парня брат Константин уверенно кивнул панне Валенсе.

– Ох с этим нападением я всё позабыла. Хотела же коз продать, а завтра уже уезжать, всё сложено и подводы заказаны, и охрана набрана. Что делать-то?

– Коз? – Коська дёрнул себя за нос. У него в селе, когда планы строил, то была у него задумка попробовать делать сыр настоящий, твёрдый. Творог и брынзу какую-то у них в селе делали, а вот сыр нет. И даже ничего о нём не слышали. Про сычуг он читал в книжках про попаданцев. Купить барашка и извлечь из него этот четвёртый желудок не проблема. Котёл большой у него есть. Но тогда точно было не до коз. Самому бы выжить, а вот теперь. Теперь мысль о сыре вспомнилась.

– Да козочек продать надо. Так жалко, – панночка всё время хлюпала носом, всё время глаза на мокром месте, и всё время молитвы читает о царствие небесном для мужа – купца Багумила, и их сына Владзислава.

– И сколько хотите за всех десятирех?

– По двадцать грошей за каждую, – ответил Сбышек.

Касьян цен на коз дойных в Менске не знал, но решил, что это дофига, и на всякий случай присвистнул.

– Ого!

– Хорошо, если всех купите, то отдадим за двенадцать, – сразу вскинулась купчиха.

– Сто двадцать грошей? – решил переспросить Касьян.

– Сто двадцать.

– А кто их доит? Сколько молока дают?

– Приходит женщина и утром их пастух после утренней дойки забирает. Десять, все дойные, а козлят продали. Их сразу разобрали. Козы пушистые и молока много дают. И по краковскому гарнцу бывают дают³.

– Это? – развёл руками парень.

– Это больше двух кувшинов.

– Хорошо. Дядька вечером придёт и заплатит вам. И познакомьте меня с этой женщиной и пастухом.

– Ох, Матка Бозка, ты мой спаситель, Касьян! – лисья мордочка панночки на мгновение озарилась улыбкой, но тут же женщина принялась реветь в голос, – Ох, как жалко мне моих козочек! Кто же будет о вас заботиться, как я? На кого я вас оставляю?!

– Рецепт каши брата Константину пока поведайте.

Коська слушать причитания не стал. Он хотел есть как... Он хотел жрать как... Очень хотел. Время уже под вечер, а его растущий организм набегавшийся, между прочим, ещё ничего не съел за исключением двух утренних пирожков. Он хоть на козью кашу сейчас был согласен.

– Сбышек, а где здесь яйца можно купить и молока?

– Зачем? – великан подозрительно так посмотрел на пацана, словно существует рецепт изготовления бомбы из яиц и молока.

– Пожарить хочу. Есть хочу, – даже для убедительности парень себя в живот пальцем ткнул и тот не подвёл – заурчал.

³ Краковский гарнец – 2,75 литра.

– Это только утром на рынке. Сейчас нигде не достать, – не стал радовать пацана лях. Ляхи они все жадные. Гады.

Коська пробрался к своему сундуку и вытащил последнюю киевскую гривну. Грош весит пусть три целых семь десятых грамма. Сто двадцать грошей за десять коз – четыреста пятьдесят грамм серебра. Гривна сто шестьдесят грамм. Остаётся ещё двести девяносто грамм серебра примерно. Есть тоже последняя новгородская гривна. Это двести грамм. Ещё нужно девяносто грамм серебра. Это около двадцати пяти грошей. Парень достал и на всякий случай ещё десяток грошей на непредвиденные расходы оставил. Потом пробрался в комнатку, что облюбовал себе монах и сунул ему серебро:

– Брат Константин, сходи расплатись с панночкой за коз. А то дядька, как узнает о серебре, вой подымет. А так потом скажем, что козы нам пани Валенса подарила.

– А ежели узнает Савёл? – всё же брат этот ребёнок по... нет он конечно знает кучу вещей, но в быту ребёнок ребёнком.

– Скажешь, что это ты купил. Решил коз разводить, и одним козым творогом питаться. Чего там десять коз дают? Пусть по полтора литра, это пятнадцать литров – это пять кило творога в день, да даже пусть шесть. Съедем же все вместе?

– Пять чего? Литров-то я уже запомнил твоих, а вот с кило не понимаю.

– Этот тот же литр по весу.

– Понятно. Съедем, особенно если ты, как в селе, будешь сырники делать. Со сметаной. Нет, не пойду в монастырь.

– Сделаю. Всё, иди отдай ей серебро, а я пойду по соседям пройдусь попробую яиц купить. А то так можно и с голоду умереть... А ты чего весь день ел?

– Козью кашу, – опустил очи долу зелееварец.

– Да твою же... ну, ляхи, что с них взять. Пошёл я.

План был простой. Стучать во все дома подряд и спрашивать не продают ли яйца и лук. Решил парень омлет делать, раз уж молоко от коз у него сейчас появится. Сбышек сказал, что скоро коз приведут с пастбища и придёт доярка.

В первом доме яйца не продали, но зато просто за спасибо дали пучок перьев лука и совет, что через три дома можно яйцами разжиться. Там их богато.

Однако в указанном доме Коське яиц не дали. Зато дали подзатыльник.

Глава 7

Событие девятнадцатое

Беда не дуда: станешь дуть, а слезы идут.

Беду ничего не предвещало.

Прошёл Коська к указанному дому и крикнул от плетня:

– Эй, хозяйева, есть кто живой?

Почти сразу из небогатого дома, не сказать, что покосившегося, но старенького и вросшего в землю, а ещё чёрного от времени, вышел мужик высокий и худой, а из-за его плеча выглянула в открытую дверь женщина.

– Чего тебе хлопец? – дядька подозрительно уставился на Касьяна. Тот в это время от плетня, который не имел калитки, шёл к дому.

– Хозяин, у тебя яйца есть?

Дальнейшего Касьян не ждал. Этого просто не могло быть. Длинный дядька вдруг заревел, в мгновение ока преодолел три метра, что между ним и Коськой оставались, и залепил ему со всей силы оплеуху. Не ожидавший удара парень от сильного удара даже на траву, примятую, у дома свалился.

А дядька бросился к пацану и за шиворот резко приподнял его. И опять замахнулся. Но это уже шалишь. Это тело было тринадцатилетнего пацана, а разум-то офицера. Напрашивалась передняя подножка, всё же пусть и не был Константин Иванович чемпионом мира по самбо, но занимался же много лет. Хрясь, и длинный упал как раз туда, где только что Касьян приземлился.

Не дожидаясь продолжения конфликта непонятного, парень поспешил под причитание тётки и проклятия дядьки убраться со двора негостеприимного на улицу.

– Чё это было? – задал Коська себе вопрос, когда он отошёл уже на приличное расстояние, и крики прекратились. Не сбежал с поля боя, а покинул аномальную зону. Хотя...

Хотелось вернуться к предыдущему дому и залепить такую же оплеуху мужчине, его сюда пославшему. Но больше разборок хотелось есть. Касьян пропустил один двор и у следующего опять прокричал про хозяев. Через минуту вышла женщина и из-за её спины три мальчишки мал мала меньше показались. Самому младшему было годика три.

– Хозяйка, я яйца хочу купить не подскажите, кто много курей держит?

– А сколь тебе. Десяток могу продать, – она нахмурилась видя, что Коська раздумывает, – крупные яйца. Свежие.

– Хорошо, несите.

– Три парвуса.

– Едрит, Мадрид. Цены у вас. Ладно, несите.

– Деньги покажи, – тётка упёрла руки в боки, словно ждала ответа: «А нету».

Ну, да. А показывать-то и нечего. У него в кошельке было десять грошей. Грош – это двенадцать парвусов. Сорок яиц даже по ценам этой вымогательницы.

– У меня только гроши. Может сало есть?

– Рано ещё, кто же летом свиной режет?! Я сдачу дам.

Уже переложив яйца в мешочек к луку и получив сдачу мелочью, Коська решил спросить про соседа. Рассказал о случившемся.

– Вот ведь Тимоха, злыдень. Это он специально тебя к Никодиму послал. У него беда в детстве была, – тетка понизила громкость до шёпота и цыкнула на пацанов, которые тут

же за дверь прыснули, – Никодим мальцом на дерево залез и упал, при этом хозяйством за сучок зацепился, ну и яичко одно повредил, кровищи, говорят, было, страсть. Снесли его в монастырь и там вылечили, только яичко одно осталось. Так этот злыдень Тимоха, вечно над ним издевается. Вот и тебя послал. А яйца у Никодима есть, давай ещё три парвуса, я сейчас сама схожу принесу, раз тебе мало.

Через десять минут, парень уже подходил к воротам терема. Пришлось опять тарабанить и звать Сбышека. Калитки в воротах не было, а лях ворота всё время держал закрытыми и с засовом подолгу возился. Может ему это нравилось. Нужным себя ощущал.

Хотелось рвать и метать. Просто хотелось рвать и метать. Пока Коська в очаге огонь разводил, пока сковорода нагрелась, пока он яйца бил и в молоко добавлял, да пока омлет доходил, припёрся дядька Савелий. Злой как собака. Наорал на Сбышека, что тот долго открывал, потом напыхтел на брата Константина, а в оконцовке схватил деревянную миску и две трети омлета туда себе пересыпал. Коська сделал омлет из десяти яиц, рассчитывая только на себя и монаха. И теперь чего. Штук семь, если по объему, ратник себе по-братски отделил. А ведь сам вчерась рассказывал, что их три раза кормят в кремлике. Или каша – это не еда, а перекус.

– Что-то случилось, дядя Савелий, – пересыпая остатки роскошного минуто назад ужина брату Константину, поинтересовался парень у родича и начал готовить вторую порцию. Но лука уже нет, не так вкусно будет и молока на донышке кувшина, ну так дарёное, это с завтрашнего дня козы станут им молоко давать, а пока хозяйке и доярке пополам. Такая у них договорённость. И с этим тоже придётся что-то делать.

– Осерчал на меня князь, что мы... что я Третьяка этого – татя упустил. Кричал, ногами топал, чуть плетью не перетянул. На ворота на месяц в наказание поставил. Это как наказание у нас. Нерадивых ставят. Ну, на три дни обычно, на седмицу, не больше, а тут месяц. Это же не выдержать. Не поспишь толком, только трохи, по очереди, ночью. В общем, месяц меня не будет. Сами тут разбирайтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.